

Алия Амирханова

Эксперимент

Роман

Алия Амирханова

Эксперимент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28530272

SelfPub; 2018

Аннотация

Профессор Фёдор Николаевич Смирнов, работник института мозга, разработал датчик-чип, читающий мысли человека. Он надеялся в будущем подсаживать датчики преступникам и по ним находить их и обезвреживать. Датчики нужно было апробировать на людях. Подгоняемый директором, профессор Смирнов, который жаждал, чтобы их институт был первым в данных разработках, решает тайно посадить датчики монахам одного монастыря, имеющим криминальное прошлое.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	53
Глава 13	57
Глава 14	61
Глава 15	63
Глава 16	72
Глава 17	74
Глава 18	77
Глава 19	81
Глава 20	89
Глава 21	95
Глава 22	98
Глава 23	101

Глава 24	107
Глава25	109
Глава 26	116
Глава 27	124
Глава 28	127
Глава 29	134
Глава 30	137
Глава 31	143

Глава 1

Лето в этом году выдалось особенно жарким. Приближение осени не чувствовалось, днём солнце нещадно палило, разогревая воздух до предела, оттого ночи были ненамного прохладней. Подполковник Сергей Борисович Герасимов проснулся в четыре часа ночи в своей двухкомнатной квартире. “Где-то что-то произошло”, – первое что пришло ему на ум. Подполковник уже как пятнадцать лет возглавлял отдел по особо тяжким преступлениям в городе Благое, но помимо города, в ведении их отдела были и близлежащие деревни. Работы было достаточно, потому первое о чём он всегда вспоминал была работа. Взяв в руки сотовый и убедившись, что ни сообщений, ни пропущенных звонков нет, он встал и босиком прошлёпал на кухню. Этот мужественный, спортивного телосложения, с умным проницательным взглядом следователь жил один. Набрав в стакан холодной воды, он взглянул на термометр. “Батюшки, четыре часа, а уже двадцать градусов, когда же кончится это пекло”, – уяснив для себя, что он проснулся от жары, подполковник выпил воду и вернулся в спальню. Он лёг на кровать, отшвырнул от себя покрывало, решив не укрываться, но подушку, не смотря на жару, всё же положил на голову, почему-то именно такое положение головы, способствовало его быстрому засыпанию. И действительно не прошло и десяти минут, как он уснул.

Как показали дальнейшие события, предчувствие, разбуdivшее подполковника и в этот раз не подвело его. В под ведомственном его отделе деревне, случился пожар.

Батюшка Леонид, которому едва исполнилось сорок два года, проснулся от криков. Батюшка жил на втором этаже церкви. В его распоряжение были две малюсенькие комнаты. Одна из них служила ему кабинетом, а другая была спальней. Церковь, фасадом замыкала деревянный забор, который окаймлял территорию монастыря. Окна спальни священника как раз выходили во двор этого монастыря. Услышав крики, батюшка посмотрел в окно. Его взору предстала ужасающая картина, языки пламени, как сборище змей, злорадно выглядывали, из спален монахов. Те, в чём были ночью, в том и повыскакивали из помещений и уже всю, не дожидаясь пожарных, передавая по цепочке вёдра с водой, заливали огонь. К счастью погода стояла безветренная и силу огня удалось сбить, хотя серьёзная опасность, что огонь перекинется на соседние постройки, оставалась. Охнув от досады, батюшка, наскоро натянув джинсы, помчался на помощь. Через несколько минут он присоединился к монахам, и наравне со всеми таскал вёдрами воду.

– Сашка! ...Ты Сашку не видел? – один из монахов по имени Епифан бегал как сумасшедший в поисках друга, которого нигде не было видно.

Убедившись, что среди тех, кто тушит его нет, Епифан, прикрыв голову какой-то тряпкой, рванулся в горящий дом.

– Стой! Сгоришь! – послышались голоса, но монаха уже было не остановить.

Епифан и Сашка которого он искал, дружили уже несколько лет. Что их объединяло, не знал никто. Саше было тридцать лет, фамилия у него была какая-то особенная – Смурых, ростом он был маленького. Щупленький, без трёх пальцев на левой руке, он совсем не подходил к высокому и плотному Епифану, у которого один только кулак был с его голову. Они всегда держались вместе и в столовой, и в работе. Епифан был старше Саши на двенадцать лет и относился к нему по-отечески, стараясь уберечь от трудностей.

Сегодня, входя в избу, пылающую огнём, Епифан понимал меру опасности, но бросить друга в беде не мог. Лавируя между языками пламени, прикрывая тряпкой нос и лицо, он двигался между горящими кроватями, столами, стульями. Жар огня обжигал лицо и руки, но Епифан не обращал на это внимания.

– Сашка! – кричал он, но не слышал ответа.

От дыма и жары всё трудней и трудней становилось дышать, начинала кружиться голова. Страшные мысли о смерти друга, змейкой вползли в мозг, но Епифан гнал их, упорно продолжая искать. Тут он заметил в углу человека, лежащего вниз лицом.

“Слава Богу”! – волна радости всколыхнуло сердце.

Нужно было торопиться, огонь был совсем близко. Епифан, прикрыв лицо рукой, подбежал к лежащему на полу

другу. Подняв с полу, он взвалил его себе на плечо и двинулся в обратный путь. Не успел он отойти на несколько метров, как с грохотом упала потолочная балка, прямо в то место, где минуту назад лежал Сашка.

Монахи, зная, что в доме два человека, старались тушить пожар изо всех сил. Лишь после того как Епифан показался с другом на плече все облегчённо вздохнули.

Епифан осторожно спустил Сашку с плеча и положил на землю. Тот был без сознания, похоже угорел, но сильных ожогов не было, в отличие от Епифана у которого обгорели руки и лицо. Игнорируя боль, монах метался возле друга, стараясь привести в чувство. Когда приехала скорая Саша уже был в сознании и рассказывал, что, проснувшись от запаха дыма кинулся к выходу, но споткнувшись обо что-то, неудачно упал подвернув ногу и уже подняться не смог. Позже от дыма и вовсе потерял сознание. Если бы не друг, он бы точно сгорел. В городскую больницу увезли лишь Епифана. Вслед за скорой подъехал и полицейский “Уазик”.

– Батюшка приветствую, – подполковник Герасимов протянул священнику руку, который поспешил подойти к приехавшим полицейским.

– Что у вас здесь случилось?

– И тебя, Сергей Борисович побеспокоили, – батюшка сердечно пожал следователю руку.

Они хорошо знали друг друга. Их монастырь, что в селе Серпухово, был в ведении отдела подполковника и тот

часто звонил и интересовался делами, зная, что на постоянном проживании в монастыре находятся двенадцать мужчин, имеющих криминальное прошлое.

–Работа у меня такая. Так что у вас здесь произошло? Жертвы есть? – следователь смотрел на пепелища.

Монахи стояли в сторонке, не вмешиваясь в разговор.

–Упаси Господи, что вы такое говорите! Один из монахов уснул с сигаретой и вот вам... результат. Никакого дела заводить не надо, товарищ подполковник. Мы сами тут разберёмся. Всякое в жизни бывает, – священник всячески выгораживал своих.

–Ничего батюшка просто так не бывает, – следователь бросил взгляд на монахов. – Допрошу я твоих, может кто что видел или слышал.

–Не надо, Сергей Борисович. Мы сами. Дело житейское. Если что, я сразу же дам знать.

–Ладно, батюшка, не нервничай. Раз хочешь по мирному, будь, по-твоему. ... Мой телефон ты знаешь.

–Конечно Сергей Борисович. Надо будет – позвоню.

Подполковник с сотрудниками своего отдела прошёл к машине и через минуту они уехали.

Глава 2

После завтрака монахи, во главе со священником Леонидом, который являлся одновременно и настоятелем монастыря, собрались в избе-читальне. Разбирали причину пожара. Монахи были крайне возмущены произошедшим.

– Батюшка, это новенький поджёг. Мне он сразу не понравился, скользкий какой-то.

Перекрикивая друг друга все старались высказаться.

– Видали мы таких перекаати-поле. Один вред от них.

– И то верно! Мы в монастыре уже как пять лет и нас – двенадцать человек. Куда больше? Кто хотел остаться, тот остался.

Поняв, что весь смысл возмущённых реплик заключался в обвинении новенького, который не позже чем вчера напросился на ночлег в монастырь, батюшка Леонид, оглядев присутствующих, обеспокоенно спросил.

– А где кстати новенький? По-моему, Максимом представлялся.

– Я видел его, вроде как даже тушить помогал, но после, ясно, сбежал, – язвительно заметил один из монахов, – сделал своё чёрное дело и был таков.

– Ну почему сразу поджёг, – батюшка Леонид вступился за мужчину. – Я его с сигаретой видел, значит курит, а раз пожар в спальне случился, то похоже уснул с зажженной си-

гаретой. Надо табличку повесить о запрете курения в спальне...

– Одними табличками дело не решишь. Нечего чужих пускать в наш монастырь и с концом.

Монахи продолжали возмущаться.

– Да ладно вам, расшумелись, – монах Алексей оглядел товарищей. – С нас не убудет, а ему пребудет. Поел человек, доброе слово услышал. А насчёт спален, я такой сруб поставлю, спальня в сто раз лучше прежней будет.

– Лучше, чем Алексей сказал, мне не ответить, – батюшка одобрительно посмотрел на монаха. – К вопросу пускать или не пускать к нам новеньких, больше не возвращаемся... Хочу вас обрадовать, поступила заявка на изготовление сто детских столиков и стульчиков.

Собравшиеся монахи радостно зашумели. Не дожидаясь, когда умолкнут возгласы радости, батюшка добавил.

– Сможем купить, сгоревшие принадлежности и кое-что из одежды.

После собрания воодушевлённые монахи разошлись по своим делам.

Глава 3

Монах Смурых Саша догнал Алексея, идущего в мастерские. Степенный, рассудительный монах Алексей был бригадиром у плотников. У него были золотые руки и в монастыре его все уважали. Саша нервничал, боясь, что бригадир ему откажет, потому нерешительно спросил.

– Лёша, можно я с тобой поработаю? Возьми меня к себе в бригаду? Мне Епифан жизнь спас, хотелось бы ему кровать красивую сделать, ну как подарок, что ли, – добавил он.

– Правильно мыслишь парень, – Алексей одобрительно улыбнулся. – А ты что же плотничать умеешь?

– Я лобзиком выпиливаю.

– Валяй, будешь украшать и детскую мебель, – бригадир доброжелательно похлопал Сашу по плечу.

Кроме бригады плотников, в монастыре были кузнецы, была своя пекарня, небольшая животноводческая ферма, где помимо свиней, были и козы.

Надо сказать, что монахи работали с удовольствием. Не надо было никем понукать. Каждый знал своё дело и нёс за него ответственность.

Два раза в день, утром и вечером, монахи собирались в церкви, где помимо батюшки Леонида, службу вёл старый священник, отец Виктор. Старый мудрый отец Виктор стоял у истоков их церкви, при которой и был создан монастырь.

Именно благодаря его стараниям церковь не была разрушена большевиками в далёкие двадцатые, и его же молитвами спасена от бомбёжек во времена Великой Отечественной. В нынешний, двадцать первый век, опять же, благодаря авторитету отца Виктора, батюшке Леониду, выходцу из светского общества, нейрофизиологу по профессии, удалось преодолеть всевозможные бюрократические барьеры и создать монастырь при церкви, с постоянным проживанием в нём монахов с криминальным прошлым. Близко к сердцу старый священник принял подобное мероприятие и всячески, где советом, а где и влиянием помогал как самому батюшке Леониду, так и монахам, которые прониклись сердечным уважением и можно сказать преклонением перед мудростью этого седовласого старца.

Сегодня, после вечерней молитвы, прежде чем пойти в избу-читальню, батюшка Леонид, конфузясь, сторя от стыда обратился к отцу Виктору.

-Отец Виктор, мне пришло приглашение на симпозиум в Новосибирск, как вы думаете ехать мне или нет?

Батюшке было неловко просить старика присмотреть за монахами и хозяйством, в дни его отсутствия, но и отказать организаторам симпозиума в приглашении он тоже не мог, из-за своей чрезмерной порядочности. Старый священник, тушивший пальцами свечи перед иконами, прервал своё занятие и, обернувшись, в ответ спросил.

-Симпозиум – это что-то вроде большого собрания? Я

правильно понимаю?

-Правильно, – улыбка едва коснулась губ батюшки.

-Что же тут думать, дорогой вы наш. Раз пригласили, значит, ваше мнение интересно. Когда-симпозиум-то?

-Скоро, через две недели.

-Езжайте спокойно, батюшка, я присмотрю за монахами.

-Спасибо вам большое отец Виктор, чтобы я без вас делал, – батюшка облегчённо вздохнул и, попрощавшись, поспешил в читальную избу, где уже несколько лет каждый вечер он собирал монахов и читал им произведения своего любимого автора Достоевского Фёдора Михайловича. Надо сказать, что эти чтения вслух, полюбились монахам и они с нетерпением ждали вечеров.

-На чём мы остановились, – батюшка листал произведение "Братья Карамазовы", ища закладку. – Ах да, вот, – и он стал читать.

"Братья, любовь – учительница, но нужно уметь её приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновения лишь случайное надо любить, а на весь срок" ...

Монахи сидели и внимательно слушали. После вчерашнего пожара эти слова им как никогда были близки. У всех в памяти ещё отчётливо стояли картины вчерашнего дня; и то как дружно, сплотившись тушили огонь, как рискуя жизнью Епифан спас друга. И возможно кое-кто хотел быть похожим на Алёшу Карамазова, но все были едины во мнение, что ба-

тюшка Леонид их местный старец Зосима. И хотя батюшка был молод и занимался-то он в основном организаторскими делами, ведая предпринимательской деятельностью в монастыре; пробивая заказы, покупая стройматериалы, выбивая помощь спонсоров, но вместе с тем именно к нему шли поговорить по душам, исповедоваться, спросить совета.

Глава 4

В институте мозга на кафедре нейрофизиологии города Москвы, обсуждали результаты эксперимента на крысах. В лаборатории находился директор института Эдуард Семёнович, заведующий лабораторией, доктор медицинских наук Фёдор Николаевич и ассистент кафедры – аспирант Слава.

-Матильда чувствует себя превосходно, – радостно докладывал аспирант. -Вживлённые чипы никак не отразились на работе мозга крысы. Но, что самое главное, мы теперь имеем возможность воочию наблюдать за работой её мозга.

Показывая указкой на развешенные томографии мозга Матильды, аспирант подробнейшем образом комментировал их.

-Спасибо Слава, вы свободны, – профессор поблагодарил аспиранта, когда тот закончил докладывать.

Дождавшись, когда ассистент выйдет, директор института обратился к заведующему лабораторией.

-Ну что, Фёдор Николаевич, работа проделана огромная. Как я понял, смертей нет! Все крысы, которым были вживлены чипы – живы и чувствуют себя превосходно.

-Да, Эдуард Семёнович. Теперь, как говорится дело за посадными людьми.

-Слово-то, какое подобрал.

-Ну, не знаю, как их обозначить, но смысл вам понятен

– те, которым мы вживим чипы и у кого будем искать преступные мысли.

-Вопрос, где таких взять.

-В этом вся загвоздка Эдуард Семёнович, добровольцев пока не нашлось, все шарахаются от этих чипов как от чумы.

-Ищи быстрее Фёдор Николаевич, столько учёных развелось, ахнуть не успеешь, как обгонят. Мы должны быть первыми и как говорится за ценой не постоим.

-Стараемся. Скоро на симпозиум в Новосибирск еду, узнаю, нет ли похожих наработок.

-Держи меня в курсе дела, – директор поднялся и вышел из кабинета.

Время было семь часов вечера. Фёдор Николаевич тоже не стал задерживаться и сразу же вслед за директором, закрыв кабинет на ключ, пошёл домой. Жил он в квартале от работы, потому частенько ходил пешком. На дворе был конец августа и осень чувствовалась тем, что стало темнеть раньше. Кое-где уже зажглись фонари, жара отступила. Фёдор Николаевич много и напряжённо работал почти всё лето и вот сегодня, подведя некоторую черту в научных разработках, ему нестерпимо захотелось свежего воздуха, потому домой он шёл медленно, вздыхая вечернюю прохладу города. Обычно, идя домой он упорно смотрел себе под ноги, думая о своём. Но сегодня, впервые за несколько месяцев он не думал о работе. Его мозг, не обременённый раздумьями, не контролировал и взгляд, потому тот, в каком-то раз-

гуле кидался из в стороны в сторону. Не успев отметить красивое лицо проходившей мимо девушки, тут же перескочил на бездомную собаку, сидевшую возле мусорного бачка. Но и жалость к собачке не задержала его внимание и уступило место беспокойству о женщине, пытавшейся перейти дорогу в неположенном месте. Портфель в руках учёного раскачивался из стороны в сторону, стараясь успеть за глазами. В общей сложности через тридцать минут после выхода из института Фёдор Николаевич уже разувался в прихожей своей квартиры.

-Федюша, это ты?

-Да, милая.

Жена, выйдя в коридор, нежно поцеловала мужа в щёку.

-Ты сегодня рано.

-Директору отчитывались.

-И как? – спросила она уже из кухни.

Фёдор Николаевич, помыв руки, тоже вошёл в кухню.

-Отлично Иришка, всё складывается просто превосходно! – Фёдор Николаевич, отодвинув стул сел за стол. – Если воплотим все наши задумки, то имя твоего мужа будет греметь на весь мир! И вдобавок кучу денег заработаем.

-Ты кушай, мечтатель, – жена слегка улыбнулась.

Фёдор Николаевич стал есть. Жена сидела напротив и, подперев кулаком щёку, смотрела на мужа.

-А Ленуська наша, где?

-К Свете пошла, у той сегодня день рождения, шестна-

дцать лет.

-Да, растут дети. Если всё удачно сложится, Ленусю нашу учиться в Англию отправим.

-Хорошо бы, она девочка умная, вся в тебя пошла.

Фёдор Николаевич, поужинав, вышел из-за стола. Жена стояла к нему спиной и мыла посуду.

-Какие славные у меня девчонки, – он подошёл к жене и обнял её сзади за талию. – Ирина Сергеевна, вы знаете, как сильно я вас люблю? – его щетина при поцелуях, слегка колола ей шею, и это заводило её.

-Неужели? – Ирина обернулась и, положив свои руки на плечи мужа, прижалась к нему.

Поцелуи мужа становились всё настойчивее и вот уже еле сдерживаясь на ходу срывая с себя одежды, они прошли в спальню. Фёдор Николаевич обожал свою жену Иришку. Сдержанная в быту, в постели она вся раскрывалась и была сладострастной искусительницей, отдаваясь ему каждой частичкой своего тела. Когда всё окончилось, и они уставшие, откинулись на подушки, Фёдор Николаевич, держа жену за руку, сказал.

-Я так счастлив Ирка, что у меня есть ты и Ленка, – затем немного помолчав, добавил, – как хорошо, что у меня хватило смелости тебя отбить у Иванова Лёньки.

-Нашёл чем хвастаться, он ведь был твоим другом, а ты с ним так поступил, – жена тесней прижалась к мужу.

-Иришка, в таких делах дружба не помеха. Сам виноват,

шустрей надо было быть и рот не разевать. ...Раз ты меня предпочла, значит я лучше, – Фёдор Николаевич поцеловал жену в голову.

– Лучше, лучше. Где он сейчас? Он ведь, по-моему, вскоре как я ему сказала, что люблю тебя, а не его, академ взял?

– Да? Ты ему так и сказала, я думал он сам догадался. Так что дорогая ты не менее жёстче с ним обошлась, можно было в лоб и не говорить.

– Во всяком случаи честно.

– Что было то было. Жаль конечно его, талантливым был, далеко мог пойти, но видно что-то не заладилось. Во всяком случаи в научном мире его имя неизвестно.

– Ты спи, я встану, Ленуську дождусь, – жена встала и, одевшись, прошла на кухню.

Взяв сигарету и плед, она вышла на балкон. Было десять часов вечера. Приближавшаяся осень давала знать прохладными вечерами. Накинув плед, Ира села в кресло качалку и закурила. Всегда, когда она вспоминала Лёню, начинала предательски болеть душа. Сегодняшний вечер был не исключение. Она сидела и курила, но мыслями была далеко в прошлом, во времена своей юности, когда она двадцатидвухлетняя студентка педагогического института встречалась с пятикурсником медицинского, Ивановым Лёней.

"Лёня, Лёничка, как ты смотрел на меня! Такое обожаение. Не понимаю, что ты во мне нашёл?.. Ты часами ждал меня с лекций...так смешно сидел на подоконнике, у всех

на виду и нисколечко не стеснялся. Девчонки мне завидовали. . Затем появился Федя. Напористый, уверенный. Всё как-то закрутилось, завертелось. . Прости меня, Лёничка. ... Прости.”.

Глава 5

День был по-летнему тёплым, хотя на дворе уже стояла осень, середина сентября. Батюшка Леонид зашёл в студенческую столовую университета города Новосибирска, чтобы пообедать. В этом городе он был на симпозиуме, посвящённом работе мозга. Симпозиум закончился, но батюшка не торопился покидать город. Его, как практикующего священника, попросили провести несколько семинаров для студентов университета, чем он уже как два дня и занимался. Вот и сегодня он зашёл в столовую после очередной весьма бурной дискуссии, которые каждый день устраивали ему студенты-психологи. Батюшка Леонид, взяв поднос с едой, прошёл к столику, за которым сидел мужчина, очевидно преподаватель.

– У вас свободно? – вежливо спросил он, прежде чем поставить поднос на стол.

– Да, пожалуйста, – мужчина мельком взглянул на вопрошающего и вновь уткнулся в газету, которую он читал, не забывая между тем обедать.

– Спасибо, – священник поставил поднос на стол и сел.

Он не торопясь вытер бумажной салфеткой ложку и вилку, только затем приступил к поглощению супа. А между тем мужчина, сидевший за одним с ним столиком, успел усвоить информацию в виде поповской рясы священника, кото-

рую его мимолётный взгляд всё же успел запечатлеть. Убрав в сторонку газету и отпивая маленькими глотками компот, мужчина, не стесняясь, стал рассматривать соседа-попа. Через некоторое время он вдруг неожиданно радостно хмыкнул и громко произнёс.

– Иванов Лёнька, ты что ли?

Батюшка услышав своё имя, удивлённо посмотрел на мужчину. Он даже прищурился, хотя был в очках, чтобы лучше осмотреть, обратившегося к нему по имени.

– Не узнаёшь, что ли? Это же я Федя. А ещё другом считался

– Смирнов Фёдор, так? – лицо священника озарила радостная улыбка.

– Наконец-то.

Мужчины поднялись со своих мест и сердечно обнялись. Они хлопали друг друга по плечу в знак радости от столь неожиданной встречи, приподнимали друг друга, пробуя каждого в весе, и всё говорили и говорили.

– Бороду отрастил и растолстел, хотя ряса скрывает.

-Да, ты сам-то! Поди все сто весишь?

-Ничего подобного. Я, между прочим, каждый день бегаю, это я сейчас поел.

-Ну, да. Два килограмма и съел.

Заметив, что они мешают проходить с подносами, мужчины сели каждый на своё место.

-Ты ешь, ешь. Я буду говорить, – мужчина по имени Фе-

дя отодвинул в сторонку пустые тарелки. – Я, тебя, между прочим буквально на днях вспоминал. Где ты, как ты? И вот на тебе, пожалуйста. Так значит, сейчас едем ко мне, я в гостинице "Радужная" остановился. По дороге купим всё что надо.

-Нет, нет, – батюшка замотал головой в знак отрицания.

-Чего ты?

-Я сегодня уезжаю. Через час с небольшим, мой поезд. Я был тут на симпозиуме.

-Ясно! Я тоже, как же я тебя не заметил? Ты где сейчас?

-В Подмосковье перебрался, в село Серпухово. Там мой приход... Я ведь священник.

-Да ты что! То-то думаю, почему ты в рясе, но ты ведь прирождённый врач! Лучшим был на курсе. Мы же с тобой за время учёбы более ста крысиных мозгов препарировали, такие планы на будущее строили. Ты что же, разлюбил нейрофизиологию?

-Помнишь, наверное, что я не с вами окончил?

-Ну, помню. У тебя, по-моему, мама заболела, и ты взял академ.

-Верно. У меня в то время отец умер. Я тогда, ... когда его похоронил, вдруг прозрел. У меня ведь отец священником был, вот гены и дали о себе знать. Решил пойти по его стопам, но университет я окончил и с наукой связь поддерживаю. Вот на симпозиум пригласили. Даже парочку семинаров провёл с тамошними студентами. Так что всё в порядке,

да и профессии я своей не изменил. Священник по сути, всё равно что врач, только инструменты у нас разные. Ты как?

-Сразу всё и не расскажешь. Докторскую защитил. Я искал тебя. Писал на твой старый адрес. Почему не отвечал?

-Уехал я. Мне место предложили. У меня приход и мужской монастырь при церкви.

- Да ты что? И сколько человек?

- Где? В приходе?

- Да нет же, в монастыре?

- Пожалуй, двенадцать будет.

- Здорово! А монахи, кто? Церковные люди что ли?

- Нет, что ты. Почти все с криминальным прошлым.

- Ну, ты даёшь! Ладно, к чёрту монахов, главное, что мы теперь рядом. Я в Москве, ты в Подмосковье. Думаю, не потеряемся. Да, кстати, у меня в Подмосковье – дача. В ста пятидесяти километрах от Москвы. В сторону города Благое, это в вашей стороне?

- Да! Мы от города в тридцати километрах.

- Тогда вообще можно сказать соседи.

- Федя, извини, но мне пора. Я вот тебе адрес и телефон написал, приезжай. Очень прошу. Может, прямо сейчас вместе со мной рванёшь?

- Спасибо Лёнь. Я приеду. Надо собраться. Но ты жди. А вот тебе мой адрес. Ты как женат?

- Нет... как-то не собрался.

-Извини. А я женат, жена – Ира, помнишь такую? Дочери

– шестнадцать, одиннадцать классов в этом году оканчивает.

– Рад за вас. Приеду Федя, как в Москве буду, заскочу, – священник убрал адрес в карман брюк. – Я тебя жду у себя в деревне, вместе с семьёй и приезжай.

Федя проводил друга и дождался, когда поезд тронется с места. Затем он не спеша отправился в гостиницу. Он даже не помнил, как добрался до нужного места, его мысли целиком были заняты проектом, который так удачно благодаря другу начал приобретать реальные очертания.

Батюшка Леонид был в пути чуть больше суток. По прибытии домой он первым делом отправился в церковь. Его помощник – пожилой священник отец Виктор радостно встретил его.

– Батюшка ты наш, как съездили?

– Намучился отец Виктор. Отвык я от этих светских мероприятий. Вы тут как без меня?

– Нормально. Нестеренко стал есть, попросился в церковь. Ни одного приступа за ваше отсутствие.

– А как Егоров?

– Тоже усмерел, работает. Причастия ждёт.

– Ну и славненько. Пойду я домой. Устал, но к вечерней буду.

Москва встретила Фёдора Николаевича по-весеннему тёплым дождём и потоком грязных машин в несколько рядов. "Ну нет уж, моё настроение вам не испортить", – подумал он, усаживаясь в такси и заранее готовясь к пробкам.

– Институт мозга, – бросил он таксисту и, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза, пытаясь вздремнуть...

– Эдуард Семёнович, можно? – через каких-то пару часов, Фёдор Николаевич уже входил в кабинет директора института.

– А, Фёдор Николаевич! Приехал! Рад, – директор широко улыбаясь встал из-за стола и пошёл навстречу.

Они сердечно обменялись рукопожатиями.

– Как съездил, рассказывай, – директор, приглашая гостя сесть, прошёл на своё место.

– Отлично, Эдуард Семёнович. До того чем занимаемся мы, ещё никто не додумался, во всяком случае не докладывали.

– Замечательно.

– Извините, что перебиваю вас, – Фёдор Николаевич даже понизил голос, давая понять директору, что известие, которое он собирается сообщить весьма ценно. – Я встретился на симпозиуме со своим другом.

– Рад за вас.

– У него приход и при нём мужской монастырь, в котором на сегодняшний день постоянно проживают двенадцать человек. Представляете!

– Я тебя понял. В каком месте говоришь монастырь?

– Совсем рядом – в Подмосковье, в селе Серпухово. Около пятисот километров от Москвы. Глухомань! Главное, монахи с криминальным прошлым.

– Ну что, похоже, сам Бог нам дал добро. Для чистоты эксперимента нам "такие" и нужны. В будущем ты же не у аспирантов МГУ преступные мысли искать будешь. Действуй Фёдор Николаевич и держи меня в курсе всего.

– Само собой Эдуард Семёнович, можете не волноваться. Мозги монахов сканировать будем?

– Обязательно! Выбери с мозговой патологией, нам необходимо попасть в точку. Не переживай, победителей не судят.

– Согласен. Второго случая может и не быть. Я сначала съезжу на разведку, а потом мы с вами обсудим дальнейшие действия.

Глава 6

Через две недели после встречи в Новосибирске, Фёдор Николаевич уже был в деревне Серпухово. Приехал он под вечер и сразу же пошёл в церковь. Церквушка была небольшая и имела два входа. Центральный – широкая двустворчатая дверь, выходящая на деревянную лестницу, с красивыми резными балясинами встречала прихожан самой деревни, а второй вход – маленькая дверь впускала монахов из монастыря. Фёдор Николаевич вошёл в церковь как раз через центральный вход. Внутри было тепло и ярко. Повсюду горели лампы, свечи, бросая яркие блики на всевозможные иконы святых. Батюшка Леонид только что окончил вечерню и собирался домой.

– Федя как хорошо, что ты приехал! – улыбка радости озарила лицо батюшки. – Я как чувствовал, баньку попросил истопить. Ты один?

– Да! Жена работает, дочь учится.

Два друга сердечно обнялись.

– Жалко, что без семьи, но что поделаешь. Пошли домой.

– Пошли Лёня. А что, свечи и лампы пусть горят и ничего что на ночь? – гость из Москвы решил напомнить другу, видя что тот направился к выходу.

– Спасибо конечно за беспокойство, но не переживай, – батюшка повернулся лицом к другу. – Есть дежурный, а вот

как раз и он, – батюшка Леонид взглядом показал на вошедшего монаха. – Он всё потушит и приведёт в порядок.

– Здравствуйте, – монах вежливо поздоровался с учёным.

– Здравствуйте, – ответил на приветствие Фёдор Николаевич, потом переведя взгляд на друга добавил. – Банька – это хорошо. Я кажись лет сто в бане не был.

Уже ближе к одиннадцати часам вечера, искупавшись и сытно поужинав они уютно расселись в креслах возле печки, которая приятно грела.

– Что за люди у тебя в монастыре? – Фёдор Николаевич внимательно посмотрел на друга.

– Разные Федя, разные. Вот к примеру Саша Смурых, в прошлом уголовник, сейчас работает и ведёт себя очень даже спокойно. Все они в основном запутавшиеся, не сумевшие приспособиться к общественным устоям, растерявшиеся от быстро меняющихся реалий жизни. Одинокие они, не в смысле отсутствия семьи, а в смысле отсутствия понимания, принятия их такими.

– А ты значит им всем отец родной.

– Я – священник.

– И что же, среди них пьяницы, бандиты, и наркоманы есть?

– Встречаются.

– И ты их своими молитвами оторвал от дурных привычек?

– Это их Господь оторвал, я лишь помог им прийти к Богу.

– Столько лет психологи, неврологи, психиатры, да мало ли какие учёные бьются над этой проблемой и не могут решить, а ты мне о каких-то действенных молитвах толкуешь! Может ты гипнотизёр?

– Нет, что ты. Всё намного проще, мы работаем, молимся, разговариваем. Мы ведь и предпринимательской деятельностью занимаемся. Делаем мебель для садиков, школ. Ты знаешь с какой душой они работают! Да, Федя с душой! Не абы кабы. Овощи тоже сами выращиваем, фруктовый сад есть. Некогда монахам о другом думать. Ты, знаешь Федя, я убеждён всякий человек тяготеет к добру, у него потребность в любви, в хорошем обращении. Понимаешь, потребность! И когда эта потребность удовлетворена, он не пойдёт крушить и убивать.

– Ясно, – немного погодя Фёдор Николаевич вновь заговорил.

–...Лёня у меня к тебе просьба. Ты же знаешь я учёный, мне бы очень хотелось изучить мозги твоих подопечных.

– Как ты собираешься это сделать?

– Ничего опасного. Просканируем их мозг и всё. Сколько лет говоришь они в монастыре живут?

– Точно не помню, но пять лет есть, как вместе.

– Вот видишь, пять лет и ни срывов, ни преступлений! Может у них мозги какие-то особенные.

– Шутишь?!

– Эта процедура займёт не более десяти минут. Я орга-

низую автобус. Твоих ...подопечных отвезут и привезут. Ко всему прочему они смогут узнать о состоянии своего здоровья. Ну как?

Несколько секунд батюшка Леонид молчал.

– Надо будет спросить у них. Если согласны, я возражать не стану.

– Лёнь ты всё-таки поговори с ними. Они тебе доверяют, а меня не знают.

– Поговорю. ...Пошли спать. Завтра мне рано вставать, – батюшка сделал попытку встать.

– Лёнь, подожди... Я хотел спросить тебя, ты академ тогда из-за Ирки взял?

– У меня мама заболела.

– Меня к себе декан вызывал, всё хотел понять причину. Ты ведь лучшим на курсе был. Надежды подавал, а мама твоя умерла, когда тебе десять лет было.

– Федя, какое это сейчас имеет значение. Я рад за вас с Ирой, – священник быстро поднялся и ушёл к себе.

Весь следующий день Фёдор Николаевич пробыл в монастыре. Что особенно поразило учёного, никто не отдавал приказы. Каждый монах был занят каким-нибудь делом. Каждый вёл себя в монастыре как настоящий хозяин, радеющий за своё хозяйство. Косые взгляды, которые Фёдор Николаевич ловил поначалу, со временем исчезли. А когда он уезжал, монахи собрали ему даже полную корзину гостинцев в виде солений, картошки.

– Я не прощаюсь, скоро ждите меня, – сказал учёный, усаживаясь в свой чёрного цвета джип.

Дорога от деревни Серпухово до Москвы заняла у Фёдора Николаевича не более четырёх часов, потому уже ближе к пяти часам вечера он сидел в кабинете директора института.

– Эдуард Семёнович, такая удача бывает один раз в сто лет. Но Лёнька не дурак, чтобы не было проблем, его нужно отправить куда-нибудь.

– Я согласен с тобой. Но куда его отправить?

– Ну не знаю, может на симпозиум куда-нибудь за рубеж, отдохнуть он точно не поедет, а вот если придёт приглашение, то не откажет, он сверх порядочный.

– Это идея. Я разужнаю и если найду что-нибудь подходящее, то приглашение обеспечу.

– Хорошо....

Не прошёл и месяц как на имя батюшки Леонида пришло приглашение из Голландии на симпозиум по теме "Геология в лечение болезней мозга". Приглашение сопровождалось билетами на самолёт туда и обратно. Весьма удивившись, столь странному повороту событий, батюшка Леонид всё же принял приглашение и отправился в Амстердам на симпозиум...

Глава 7

– Товарищи, проходим и рассаживаемся. Сегодня едем в Москву проверять здоровье. Батюшка Леонид поездку одобрил, так что спокойно проходите, – Фёдор Николаевич встречал монахов у дверей автобуса.

По прибытии в институт сначала всех повели в институтскую столовую. Лишь сытно и вкусно пообедав, прошли в лабораторию. Там их уже встречал сам Фёдор Николаевич и его ассистенты.

– Товарищи, рассаживаемся по креслам. Хочу предупредить процедура долгая и займёт более пяти часов. Расслабьтесь и отдыхайте. Можете поспать. Сейчас молодые аспиранты подключат к вашим головам электроды. Больно не будет.

«Ничего не бойтесь», – говоря о сне, Фёдор Николаевич не шутил. В компот монахам было добавлено сильно действующее снотворное.

Когда процедура вживления датчиков была окончена, Фёдор Николаевич собрал монахов у себя в кабинете. Было уже двенадцать часов вечера.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался учёный.

– Нормально, – ответил за всех Епифан, зевая во весь рот, но заметив неодобрительные взгляды товарищей, поправился и виноватым голосом добавил.

– Нам бы в монастырь вернуться.

– Да, конечно, – пройдёмте к автобусу. – Ой, чуть было не забыл, – вскрикнул Фёдор Николаевич и суетливо полез в ящичек стола за которым сидел.

Оттуда он достал перевязанную резинкой пачку денег. Затем более торжественно объявил.

– Наш институт хочет сделать вашему монастырю подарок и дарит сто тысяч рублей. Кому передать деньги?

Было видно, что монахи обрадовались. Перекидываясь друг с другом взглядами, радость которых пряталась в уголках глаз, они всё же скромно молчали. Лишь после того как Фёдор Николаевич повторил вопрос. Один из монахов ответил.

– Алексею! Когда батюшки нет, он обычно у нас за старшего. Мы ему полностью доверяем.

Алексей вышел вперёд и Фёдор Николаевич, пересчитав деньги у всех на глазах, отдал их ему в руки. Монах спокойно, без суеты взял деньги и, завернув их в носовой платок положил в карман, только затем, протянув учёному руку для пожатия в знак благодарности, произнёс.

– Спасибо!

Попрощавшись, монахи уехали к себе в монастырь. Проводив гостей, Фёдор Николаевич поспешил в кабинет директора института, который несмотря на позднее время был у себя и ждал его.

– Вы уверены, что всё сделано как надо, Фёдор Никола-

евич? – первое, что спросил директор, не дожидаясь, когда профессор сядет на стул. Поясняя своё волнение, добавил. – Не хотелось бы провала.

– Всё будет хорошо, – поторопился успокоить директора Фёдор Николаевич. – Датчики я вживил трём монахам. Небольшое отверстие в голове, они его не найдут, даже если захотят. За работой аппаратуры, здесь в институте, будут наблюдать мои аспиранты. Их трое. Ребята проверенные, одержимы наукой. Я же, выезжаю в монастырь уже завтра. Буду непосредственно на месте эксперимента. С вами будем общаться по телефону. Через десять дней должен вернуться их батюшка, надо успеть запустить эксперимент до его приезда.

– Что с экспериментальным инструментом?

– Вы имеете в виду фильмы?

Директор, молча, кивнул головой.

– Мне из Германии прислали. Волосы на голове дыбом встают.

– Удачи нам Федя.

– Удачи, – Фёдор Николаевич, попрощавшись, вышел из кабинета.

Глава 8

На следующий день ближе к двум часам дня, учёный уже был монастыре. Время было обеденное, потому Фёдор Николаевич напрямик отправился в столовую. Все были там и обедали.

– Здравствуйте товарищи, – как можно доброжелательней профессор поздоровался с монахами.

Те, тоже довольно приветливо, хором ответили на приветствие, очевидно спонсированные институтом деньги пришлись монахам по душе, потому как дежурные по кухне засуетились. Кто-то пододвинул к учёному стул, повар принёс обед. Усевшись с монахами за один стол, Фёдор Николаевич стал обедать.

– Да, кстати товарищи, у меня для вас всех хорошая новость. Мозги у вас здоровые, никаких болезней нет, так что жизнь замечательна!

По столовой пронёсся одобрительный гул.

– Ни у кого голова не болит?

На головные боли никто не пожаловался.

– После вечерней молитвы прошу всех собраться в клубе, – Фёдор Николаевич вновь обратился к монахам. – У меня для вас сюрприз, загадочно произнёс он.

Монахи довольно заулыбались. Клубом при монастыре или по-другому –избой читальней, служил небольшой дом,

где собирались, чтобы поговорить, почитать. Когда после вечерней молитвы монахи вошли в клуб, то первое что они увидели – это был телевизор. Новенький, с достаточно большим экраном. Телевизор висел на стене. Монахи удивлённо переглянулись. Заметив удивление, Фёдор Николаевич поспешил пояснить.

– Магазин, который доставил телевизоры их и установил. А я с согласия батюшки Леонида, некоторое время поживу у вас, если вы конечно не возражаете, – учёный вопросительно оглядел собравшихся.

– Мы будем только рады, – за всех ответил Алексей.

– Спасибо! Очень хорошо, значит по вечерам вы сможете смотреть фильмы. Их у меня множество. Хочу вас ещё обрадовать товарищи, – Фёдор Николаевич всячески изображал на лице радость, стараясь убедить монахов в мысли, что им очень повезло с этими телевизорами и в особенности с фильмами, которые он намеревался им показывать. – Телевизоров, аж – три. Первый – здесь в клубе, второй – в столовой, а третий – в холле перед спальней.

Но монахи совсем не торопились радоваться, а лишь удивлённо-вопрошающе переглядывались и на объявление о трёх телевизорах, недоумённо спросили.

–А зачем так много?

–Кому не понравится какой-то фильм, может пойти смотреть другой фильм на другом телевизоре. Никого не неволим, всё добровольно. Я буду ставить кассеты и включать

фильмы. Не будем терять время, начнём! – Фёдор Николаевич был полон энтузиазма.

Установив флешку с фильмом, он нажал на кнопку пуск. Все монахи, за исключением дежуривших, уселись перед телевизором. Начался немецкий боевик, и первый же кадр демонстрировал убийство человека через повешение. Расправа была показана в мельчайших подробностях, но и дальше фильм не блистал ни сюжетом, ни каким-то глубоким, заставляющим задумываться подтекстом, лишь обилие откровенно жестоких сцен составляло его содержание. Фёдор Николаевич заметил, что довольно быстро большее количество монахов стало уходить, осуждающе качая головой. Тогда он тоже встал и позвал недовольных монахов в столовую, где включил фильм – триллер возможно такой же пустой, но с меньшим количеством жестоких сцен. Как оказалось, и этот фильм не заинтересовал монахов, его остались смотреть лишь немногие. Тогда был включен последний третий телевизор, по которому был запущен среднестатистический детектив.

По истечении нескольких дней, за телевизорами были закреплены фильмы разной направленности. В клубе – самые жестокие, в столовой – менее и в холле перед спальней – обыкновенные детективы. Монахи проголосовали за фильмы своим количеством. Жестокие фильмы изо дня в день смотрели лишь два монаха и как раз те, которым были подсажены чипы – это: Епифан и Алексей. Большее количество

собрал обыкновенный детектив, среди которых и был третий, с подсаженным чипом – Смурых Саша, но были и те, кто фильмы вообще не смотрели.

Фёдор Николаевич каждый день звонил к себе в лабораторию, в Москву, где меняясь, круглосуточно у дисплеев дежурили аспиранты. В своей докторской диссертации, Фёдор Николаевич доказательно показал, что мысли человека в мозгу, изначально рождались в виде образов, мыслеформ, но с появлением человеческой речи, мыслеформы трансформировались, точнее сказать вошли во взаимодействие со словами. Учёному удалось зафиксировать нейроны – клетки мозга, которые активизировались на определённые слова, и даже буквы. Каждой букве мысли, соответствовал свой нейрон. И вот сейчас на дисплеи института в Москве потоком шли сигналы от нейронов, которые активизировались на мысли монахов. Специальная аппаратура распознавала и преобразовывала эти сигналы в слова, создавая тем самым понятный текст.

В один из вечеров, когда уже точно были определены пристрастия, участвующих в эксперименте монахов, Фёдор Николаевич позвонил в Москву.

– Владислав, как дела? Заработали подсаженные датчики?

– Да, да, да! – на другом конце провода аспирант радостно кричал в трубку. – Фёдор Николаевич, все трое откликнулись. Менее эмоционально реагирует монах Епифан, очевидно, сидит на жестоких фильмах.

– Замечательно, Славик! Этот Епифан ты прав, сидит на садизме. Эмоций ноль, но все два часа, пока идёт фильм, сидит как вкопанный. Ни на что не отвлекается! Он нам особо интересен. Пока эмоций нет, но ничего сорвётся, главное всё записывайте, каждую маломальскую мыслишку. Как остальные?

– Подопечные не проявили себя, но это ведь только начало! – Славик продолжал кричать в трубку, от переполнявших его эмоций, вызванных уникальным событием свидетелем которого он являлся.

– Верно. Я тут за всеми наблюдаю. Будем надеяться, что эксперимент удастся. Разговор заканчиваю, связь держим как договорились. Сейчас уезжаю. Еду встречать попа. Пока.

Фёдора Николаевича понимал эмоции Славы, у него самого всё бурлило в груди от радости, что всё идёт так как он и предполагал, но окончательный результат пока не получен и потому его радость была сдержанной, и сам он держался спокойно.

Глава 9

Самолёт из Амстердама прилетел в половине третьего ночи. Фёдор Николаевич встречал друга в аэропорту Шереметьево. Самолёт плавно опустился на взлётно-посадочную полосу без опоздания.

– Лёня привет, как долетел? – Фёдор Николаевич первым увидел друга среди прибывающих и поспешил ему навстречу.

– Здравствуй, Федя.

Друзья сердечно обнялись.

– Двадцать дней дома не был. Это для меня слишком, хотя поездка была чудесная, – по дороге к машине, батюшка Леонид говорил без умолку. – Сначала симпозиум, затем множество экскурсий, за счёт организаторов. Отдохнул на славу, хотя переживал за своих. Как они там?

– Бедный папочка, побросал малых деток, ещё спрашивает, как они? Умерли! – на полном серьёзе ответил Фёдор Николаевич, садясь на водительское сиденье.

– Правда, что ли? – испуганный батюшка Леонид так и остался стоять перед передней дверцей машины.

– Да шучу я, шучу, садись уже. Что с ними будет?

– Ну и шутки у тебя, однако, – произнёс батюшка, поудобней усаживаясь на переднее сиденье.

– Может, ко мне заедем? У меня и переночуем. Ты у меня

ни разу так и не был? Иришка будет тебе рада, – Фёдор Николаевич вопросительно посмотрел на друга.

– Нет, нет – домой. Спасибо, но как -нибудь в другой раз.

Всю обратную дорогу до деревни говорили о подопечных.

– Как интересно они там проживают? – в голосе священника чувствовались нотки беспокойства.

– Да хорошо, что с ними делается.

– Ты откуда знаешь?

– Да я там тоже, можно сказать, прописался.

– Вот и правильно Федя, сам увидишь, как труд и религия души лечат. Ты, кстати, возил моих на обследование?

– Да. Среднестатистический мозг пьяниц и преступников.

– Таково их прошлое, что тут поделаешь. Но это всего лишь прошлое, я тебе уверяю.

– Лёня, – несколько секунд Фёдор молчал, собираясь с мыслями. – У меня к тебе просьба, не откажи.

– Почему я должен отказывать, если в моих силах помогу.

– Понимаешь, я – учёный и страсть как люблю, что-либо исследовать.

Он опять сделал некоторую паузу. Батюшка сидел, молча смотря в окно.

– У тебя интересные подопечные, – продолжил Фёдор Николаевич, – у меня сейчас отпуск, можно я поживу у вас, пообщаюсь с монахами, задам нужные мне вопросы?

– Пожалуйста! Почему ты спрашиваешь разрешения? Мы все будем тебе только рады, – говоря это, батюшка Леонид

повернул лицо к другу. – Ты уже, наверное, подружился с монахами. Они добродушные, не правда ли?

– Да, неплохие. Лёня, можешь, располагать мной и моей машиной по своему усмотрению. Я буду рад быть вам полезным.

– Спасибо Федя, машина нужна это точно.

– Тут такое дело... Лёня, пока тебя не было, ну, чтобы расположить твоих монахов к себе, я купил парочку телевизоров. Ты не возражаешь?

Батюшка не сразу ответил.

– Чего уж тут. Купил так купил, хотя я в принципе был против, потому их у нас и не было. Лучше лишний раз пообщаться, почитать. Нашему монастырю пять лет и вот эти двенадцать человек, которые сейчас живут, были с самого начала. Многие другие приходили, потом уходили, но вот они как пришли, так и остались, ни разу не уходили. Мы все как братья стали, как одна семья. И отчасти, потому что всё делаем сообща. Делаем! Телевизор он развращает человека, причает лениться. Ты меня понимаешь?

– Хотелось бы понять. Но ты ведь никому не навязываешь своей воли? Если хотят смотреть, пусть смотрят. Можно?

– Можно.

– А если захотят уйти, тоже можно?

– Пожалуйста.

– Это честно. А то получается ты их как вроде от реальности оторвал?

– Реальность?! Ты под ней жестокость понимаешь?

– Ну, не знаю. Пусть и её. А что, разве её мало в реальной жизни? Те же самые преступления, обман, ложь повсюду. Они у тебя отвыкли от всего этого. Им жизнь в розовом цвете кажется. Скажешь не так?

– Скажу, что не так. Я их не от плохого оторвал, я им замену его предложил. Та же самая религия, книги, разговоры по душам, труд, взаимопомощь.

– Детский сад! И ты во всё это веришь?

– Верю. Я тебе больше скажу, подобного рода общины, с похожими принципами как в нашей, по всему миру открываются.

– Ну всё, приехали, – Фёдор Николаевич заехал во двор монастыря.

Батюшка Леонид жил постоянно при монастыре в церкви. У него был конечно и свой дом в деревне, но он там практически не появлялся. Священник превосходно обходился двумя комнатами на втором этаже церкви. По приезде друга Феди, батюшка Леонид перебрался в кабинет полностью. Днём он там работал, а ночью тут же на кушетке спал. Как не уговаривал его Фёдор Николаевич поменяться местами, священник ни в какую не соглашался, так что спальня досталась учёному из Москвы.

Монахи очень обрадовались возвращению своего наставника, устроили в честь него праздничный ужин. Ни один из телевизоров в этот день не включался за исключением те-

левизора в клубе. Два монаха Епифан и Алексей пусть не полностью, но часть своего фильма всё же посмотрели.

Глава 10

Жизнь в монастыре с приездом батюшки Леонида вошла в своё русло. Монахи работали, молились и смотрели фильмы. Единственно, батюшке никак не удавалось проинспектировать фильмы, которые смотрели его подопечные. Фёдор Николаевич следил за другом, и всякий раз отвлекал его от подобного рода намерений, находя для него более важное дело. И вообще учёный старался быть на виду. На своём джипе он развозил батюшку по коммерческим делам монастыря, а в остальное время, прогуливаясь по двору, незаметно следил за тремя монахами, которым были вживлены в мозг специальные датчики, скрупулёзно отмечающие активность клеток их мозга.

– Федя, ты идёшь в читальный зал? – батюшка Леонид заглянул в комнату друга. – Сегодня заканчиваем читать книгу "Братья Карамазовы".

– Пожалуй, пойду, я и так в прошлый раз пропустил, – Фёдор Николаевич поднялся с кресла. – Что интересного было в прошлый раз?

– Как-то всё молчком обошлось, никто не высказывался, – батюшка стоял в коридоре, дожидаясь друга.

– А чего они могут сказать, с их умишком-то, – учёный, прикрыв дверь в комнату, пошёл следом за батюшкой.

– Зря ты так о них. Ты же их совсем не знаешь, впрочем,

я тоже. Два месяца назад я думал, что знаю. Сейчас я их не узнаю. Столько злобы, агрессии. Откуда? Ты же профессор Федя, подскажи? Может, я что-то не так делаю?

– Да всё Лёня ты правильно делаешь. Агрессия и прочее были у них и раньше, либо просто искусно прятали, или ты не хотел в это верить.

– Ничего подобного! Я тебя уверяю, раньше они такими не были.

Когда батюшка и учёный, как называли его монахи вошли в читальню, все были уже в сборе. Фёдор Николаевич прошёл на своё обычное место, к стулу в углу, батюшка – к столу. Когда началось чтение, голоса мигом умолкли. Сидя в углу, Фёдор Николаевич наблюдал за монахами и в который раз с удивлением отмечал, что скучающих не было. Все слушали с удовольствием. Приблизительно через час батюшка провозгласил, закрывая книгу.

– Вот и всё, братья мои, мы прочитали самое, на мой взгляд замечательное произведение Фёдора Михайловича, "Братья Карамазовы". Понравилось ли оно вам?

– Хорошее, за душу берёт, – первым сказал один из присутствующих.

– Достоевский – знаток преступных душ! – как-то торжественно начал Епифан. – Во всех своих произведениях он исследует души либо порочных женщин, либо убийц, – по комнате пронёсся гул возмущения. – А что разве не так? "Преступление и наказание" про убийцу, "Идиот" – то же са-

мое, про убийцу и гулящую бабу, про Карамазовых говорить нечего.

– Я согласен с Елифаном, – начал Алексей, – всё верно. Но я так скажу, преступники они колоритные фигуры, их жизнь бурлит, потому о них Фёдор Михайлович и писал. Его произведения о таких, как мы. Выходит, интересные мы люди! Душа у нас кладёшь загадок. Вот и учёного заинтересовали. Везде свой нос суёт, – Алексей доброжелательно посмотрел на Фёдора Николаевича!

– Да кому нужна душа бандюги, чего её изучать! – крикнул кто-то из монахов.

– Оттого изучают, – продолжил Алексей, что мешают преступники людям хорошим жить, вот и писатели вроде Достоевского хотят понять почему, по какой такой причине, такие как мы бандитами становятся. Я полагаю это для того делается, чтобы искоренить те самые причины. Не так батюшка?

– Верно Алёша, всё ты правильно сказал.

– Но как можно понять душу преступника, не будучи им? – спросил Смурых Саша. – Это всё фантазии, вымысел писателя.

Спорили часа два, все косточки перемыли и Алёше Карамазову, и пришли к выводу, что все братья одинаковые, под стать отцу, но обстоятельства жизненные у всех разные и обойдись судьба с Алёшей жёстче, неизвестно кем он был бы.

– Ну, каково? – батюшка довольно посмотрел на друга,

когда они вместе возвращались домой. – А ты говорил, с их умишком-то.

– Ты знаешь, – Фёдор Николаевич поддержал друга, – а ведь прав Елифан, говоря, что Достоевский – знаток преступных душ. Очень метко подмечено.

– Они во многом правы, обстоятельства формируют человека. Но что-то с ними самими происходит, и они меняются в худшую сторону. Понять бы что, – батюшка тяжело вздохнул. – Федя, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Фёдор Николаевич, входя к себе в спальню.

Не включая свет, он прошёл и, сев в кресло, задумался. Душа стыдливо ныла, ведь он прекрасно знал, отчего произошли изменения в поведении монахов. Всему причиной были жестокие фильмы, которые будили в них старое, привычное! Чуть погодя Фёдор Николаевич выдвинул верхний ящичек стола и достал толстую тетрадь. Открыв, он стал её пролистывать. На каждой страничке подробнейшем образом были записаны конфликты, в которых замешаны участники эксперимента.

-Да, бузят парни и всё чаще, и чаще. Но что делать Лёня, нет у нас времени ждать пока представится подходящий случай. Ты уж извини, – удовлетворённый, найденным оправданием, Фёдор Николаевич закрыл тетрадку и убрал её в ящичек стола, успокоенный лёг спать.

Глава 11

Обычно поставив фильмы Фёдор Николаевич уходил к себе и не появлялся до утра, но сегодня, забыв книгу в клубе решил вернуться. Каково же было его удивление, когда он увидел Смурых Сашу, который, стоя в коридоре и приоткрыв дверь, смотрел садистский фильм.

– Саша, ты чего прячешься? Зайди, сядь и смотри, – Фёдор Николаевич обратился к монаху.

Тот даже вздрогнул от неожиданности, не ожидавший увидеть учёного, он быстро захлопнул дверь.

– Я так, проходил мимо, – Саша стал оправдываться. – Вы, не подумайте ничего такого. Такие страсти не для меня. Я человек тихий, – и монах, пятясь, вышел на улицу.

"Странно, мне казалось он обыкновенные детективы смотрит. Зря ему вообще датчик подсадили, слабоват он для преступления, даже не может решиться смотреть фильм, да и рост, метр с кепкой", – с такими мыслями Фёдор Николаевич, взяв книгу, вернулся к себе. Почитав некоторое время, он убрал книгу и решил лечь спать, но предварительно набрал московский номер своих аспирантов, чтобы узнать, как у них дела.

– Алло! Славик, ты? Как дела?

– Здравствуйте Фёдор Николаевич. Всё хорошо! – Слава как всегда переполненный впечатлениями и плохой слыши-

мостью кричал в трубку, да так что Фёдор Николаевич отстранял трубку от уха, боясь за свои перепонки. – У нас третий датчик активизировался, это – Александр Смурых. Негативных мыслей много. Убийствами восхищается.

– Брось его Славик. Слышишь? Я только что с ним разговаривал.

– Слышу! Почему?

– Слабоват он для преступления и ростом маленький, хотя – красавец. На него время не тратьте. Вы главное за Епифаном и Алексеем следите, они на самых жестоких фильмах сидят, должны сорваться. Не пропустите! Понял меня?

– Понял.

– Ну, вот и хорошо, спокойной ночи.

Глава 12

Дни проходили за днями. Жизнь в монастыре шла своим чередом.

Бригадир Алексей работал красиво. Его рубанок, не прерываясь ритмично и легко скользил по доске, словно утюжил её, не оставляя за собой ни одной зацепки, шероховатости. Обработать доску не останавливаясь, на одном дыхании, мог только Алексей. Смурых Саша, работающий рядом, пытался следовать примеру бригадира, но после двух-трёх движений зацеплял рубанок о сучок и тот предательски останавливался. Алексей, прежде, доброжелательно учил его, давая советы, но последнее время стал каким-то раздражительным и грубым. Вот и сегодня не успев прийти в цех, как он стал ругаться.

– Беспалый, ты чего тут накуролесил, – Алексей швырнул детский стульчик на пол.

Смурых задело, что при всей бригаде о его работе так грубо отозвались, но сдержавшись он молча поднял стульчик с земли и вертя в руках стал пристально разглядывать, надеясь найти огрехи. Стульчик был выполнен вполне прилично и раздражение в груди Саши опять стало нарастать. Грубо, еле сдерживаясь в ответ он бросил.

– Нормальная работа и потом, сколько раз тебе говорил не называй меня беспалым.

– Ой, испугал. Говорил он мне. Безобразно работаешь, никуда не годится! Беспальный и есть беспальный! – дразня, вновь повторил бригадир.

– Тебе же сказали, – глаза Саши налились кровью.

– И что ты мне сделаешь, – Алексей презрительно усмехнулся.

– Братья мои, что за шум? – батюшка Леонид вместе с Фёдором Николаевичем проходили мимо и, услышав громкие голоса, зашли в мастерскую.

– Полюбуйтесь на это уродство, – и Алексей протянул стульчик священнику.

Пышущий от злобы, Саша стоял в сторонке.

– Алексей, зря ты так, по-моему, хорошая работа. Простые стульчики – такие же были, – священник вступился за Сашу.

– Месяца два назад они ему нравились. Кто-то ему настроение испортил, теперь на мне зло срывает, – почувствовав поддержку, Смурых стал обвинять бригадира.

– Не нравится, как работаю, ищите другого, – Алексей, бросив рубанок, вышел из мастерской.

– Что с ним? – батюшка Леонид вопрошающе посмотрел на присутствующих.

– Он как с месяц таким стал, – в разговор вступили другие монахи, которые работали в бригаде. – Несдержанный, грубый. Мы как вроде отпор дать можем, нас не трогает, а вот до Сашки постоянно докапывается.

– Я тоже отпор дать могу, только не хочу связываться, – сверкнул глазами Саша.

Фёдор Николаевич всё это время стоял в сторонке и молча слушал, рассматривая стульчик.

– По-моему тоже хорошо, – учёный посмотрел на Смурых. – Он точно к тебе придирается. Ты, Саша, Епифану пожалуйся, – Фёдор Николаевич видел, как Смурых побагровел от бешенства, что его считают слабаком, но продолжал заводить парня.

– Батюшка, – теперь учёный обратился к священнику, – этого громилу Алексея надо пожурить, может быть даже наказать, чтобы не повадно было слабых обижать. Надо нам всем заступиться за Сашу.

– Братья мои, мы же люди! – в сердцах воскликнул батюшка. – Какой отпор, что значит достаёт, что по-другому разговаривать разучились.

Вконец расстроенный, батюшка вышел из мастерской. Фёдор Николаевич поспешил за ним, опасаясь за себя, зная, что сильно задел самолюбие Смурых.

И действительно, после ухода незваных гостей, Саша долго не мог успокоиться. Слова Фёдора Николаевича ему особо не понравились. Он почувствовал в них издёвку.

– Вот с...., – Саша, не находя себе место, грязно ругаясь метался по мастерской. – Пижон проклятый! Ишь ты, вырядился и стрижка модненькая, и надушен всегда. Ходит тут всё, чего-то высматривает. Сидел бы у себя в Москве.

Впервые за пять лет пребывания в монастыре, его так унизили, что ему захотелось убить обидчиков.

Глава 13

Фёдор Николаевич между тем понимал, что рано или поздно батюшка узнает о направленности фильмов, которые смотрят монахи, потому опасаясь, что эксперимент сорвется, продолжал всячески способствовать разжиганию конфликтов среди монахов. Особенно он старался натравить друг на друга Епифана и Алексея. Этим двум монахам никак не удавалось одновременно приходиться в клуб для просмотра фильма. Приходящий первым, начинал смотреть фильм раньше, что раздражало опоздавшего. Назревал конфликт.

Сегодня Епифан задержался, так как дежурил в столовой. Алексей знал об этом, потому придя первым, не стал просить Фёдора Николаевича поставить фильм, а листая телевизионные каналы, смотрел что придётся.

– Алексей, я включаю фильм, – Фёдор Николаевич засунул флешку в разъём телевизора.

– Может подождём, а то опять Епифан ворчать будет, что без него начали.

– Ну, знаешь ли, каждому не угодишь! – с раздражением бросил учёный. – Я что вам в киномеханики нанимался, ждать, когда весь зал соберётся. Кто пришёл – тот пришёл. Некогда мне, – и он включил фильм.

Алексею ничего не оставалось делать как смириться. Этот громадный детина был в прошлом сибирским охотником.

Он прошёл тайгу вдоль и поперёк многие километры. Хорошо бегал на лыжах. Как он оказался в Подмосковье точно никто не знал. В монастырь пришёл в тулупе и в валенках, ни то, что чемодана с вещами, даже узелка со сменным бельём при нём не было. Выглядел он в то время мрачным и подавленным. За пять лет проживания в монастыре приободрился, стал общительным, много рассказывал о таёжной охоте. По всему он был хорошим охотником, да и хозяин радиевый. И сруб поставить умел, и пахал, и сеял. Очень лошадей любил. Батюшка Леонид диву давался как такой мужик, да не в одном хозяйстве не сгодился. По душам поговорить, не словоохотлив был, так и жил в монастыре словно черепаха в панцире.

Включив фильм Фёдор Николаевич вышел во двор, чтобы встретить Епифана. Ждать пришлось недолго, через десять минут тот уже показался на дорожке к клубу. Учёный пошёл ему навстречу.

– Слышь Епифан, – Фёдор Николаевич остановился, давая понять, что у него к нему разговор.

Монах с неудовольствием, но остановился. Чувствовалось, что он спешит на фильм.

– Достал меня этот Алексей, – сделав небольшую паузу, Фёдор Николаевич продолжил. – Я ему сегодня говорю, давай Епифана дождёмся, как никак вы тут все, как одна семья. А он мне в ответ такую тираду грязи на тебя вылил, что мне даже не по себе стало. И что ты бездельник, и что на руку

нечист, некоторые пожертвования себе присваиваешь и ещё чёрте что.

С каждым словом Фёдора Николаевича лицо Епифана всё более искажалось злобой. Его глаза буквально источали мощные разряды молний, сдерживающая ненависть крошила зубы, скрежета ими. Громадные кулаки сжались в ярости. Фёдор Николаевич между тем продолжал подливать масло в огонь.

– Тут такое открылось, – начал он заговорщицки, – это конечно не моё дело, но за Алексеем числятся два убийства. Он ведь родом не из местных краёв, издалека приехал. Убийства, которые он совершил были с особой жестокостью. Ты мне Епифан симпатичен, потому я тебя предупреждаю, остерегайся ты Алексея. Невзлюбил он тебя, мне сегодня сам говорил, что достал ты его, убить тебя намерен.

После этих слов, изрыгая проклятия Епифан развернулся и ушёл в ночь. Смотреть фильм этим вечером он так и не пришёл.

Фёдор Николаевич в волнении потёр руки. Он нутром чувствовал, что надвигается страшная гроза и стычка между Епифаном и Алексеем не минуема. Епифан был намного слабее физически Алексея, но имел более взрывной характер и в отличие от Алексея о нём было точно известно, что в прошлом он отбывал в тюрьме срок за разбой, пьянствовал, дебоширил, нигде не работал. В монастырь попал случайно, сильно избив бывшую сожительницу, спрятался от милиции

в монастыре. Потом как – то привык, втянулся. Как оказалось, характера он был весёлого, заводного. В монастыре его полюбили все. От работы не отлынивал, с товарищами был честен. Но со времени начала эксперимента изменился до неузнаваемости. Производил впечатление бомбы замедленного действия, готовой разорваться в любую минуту. Все монахи заметили столь разительные изменения в его характере, но понять причину не могли.

Глава 14

Ночь, словно чёрное покрывало как-то незаметно накрыло землю. Сегодня она была особенно чёрной, ни свет луны, ни свет звёзд не смогли проникнуть сквозь толщу свинцовых туч, которые оповещали о надвигающейся грозе. Фёдор Николаевич, набрал номер своего аспиранта.

– Слава, здравствуй. Как у вас дела?

– Здравствуйте! Хорошо, что вы позвонили, я уже сам собирался, – Слава как всегда из-за плохой слышимости орал в трубку.

– Что такое?

– Смурых точно убить хочет! Он весь в бешенстве, кипят эмоции. Так и говорит, ну вернее его мысли говорят. Сейчас дословно прочитаю. Вот. "Я ему покажу беспальный, я ему глотку перережу".

Фёдор Николаевич прервал ассистента.

– Слава, я же тебе говорил, сосредоточьтесь на Епифане. Смурых только пыхтит как чайник, ничего он не сделает. Слабак, понимаешь?

– Да, понимаю я, Фёдор Николаевич, но этот Епифан конечно тоже зол, тоже вроде убить хочет Алексея, но у него это не навязчивая идея, как у Смурых, который ночами перестал спать всё думает, как осуществить убийство.

– Всё Слава, забыл о Смурых! – чувствовалось, что Фёдор

Николаевич раздражён. – Говоришь, Епифан убить хочет?

– Да.

– Спасибо Слава, пока, – и Фёдор Николаевич, прервав связь с ассистентом, стал набирать номер Эдуарда Семёновича, директора института.

– Фёдор Николаевич, что случилось? – директор ответил на звонок сразу.

– Эдуард Семёнович, наш подопечный Епифан сорвался и ни сегодня завтра намеревается убить одного из монахов.

– Это точно известно?

– Да, конечно. И если мы ему сейчас помешаем осуществить свои намерения, то мы так и никогда не узнаем, смог ли он убить, или только об этом думал. У нас не будет на руках доказательств, что подобные мысли у преступников подкрепляются делами.

– Верно, Фёдор Николаевич. Я с вами полностью согласен. Необходимо довести эксперимент до конца, во что бы то ни стало. Не вмешивайся, понял?

– Хорошо, спокойной ночи, – и Фёдор Николаевич положил трубку и остался ждать разрешения ситуации.

Глава 15

– Епифан, – Смурых Саша тряс за плечо друга. – Просыпайся, говорю тебе, просыпайся.

– Чего тебе? – Епифан с трудом открыл глаза, было половина третьего ночи. – Не ори, о тебе беспокоюсь.

– Я не ору, чего тебе?

– Там милиция орудует, Алёшку зарезали. На тебя всё валют, убегай скорей.

– Я тут, причём? – Епифан сразу проснулся.

– На ноже твои отпечатки. Давай поторапливайся.

– Какой нож, какие отпечатки? Куда я пойду? – Епифан всё же встал с кровати и стал одеваться.

– Завалил вопросами. На ноже, которым убили, твои отпечатки.

– Откуда?

– Не знаю, тебя спросить надо. Церемониться не будут, у тебя судимость есть. Помнишь или память вышибло. Теперь насчёт того где жить будешь. Алёшка тебе рассказывал, где он раньше проживал?

– В лесу что ли?

– Да. Там пока поживи. Я навещу тебя позже. Вот возьми, тут кое-что из еды и денег немного. Особо не светись. Тебя будут искать. Ну, всё. Иди.

Монах Александр сунул в руки Епифана узелок и вытолк-

нул его в ночь. Подождав некоторое время ближе к пяти часам утра, Смурых Саша потихонечку подошёл к койке Алексея и закричал, изображая панику.

– Убили! Монаха Алексея убили!

Фёдор Николаевич этой ночью практически не спал, прислушиваясь к каждому шуму. Он ожидал известия из спален монахов. И такое известие пришло под утро. Крик, переполох, включённый свет и когда Фёдор Николаевич вместе с батюшкой Леонидом явились в спальню, откуда доносились крики, то стали свидетелями страшной картины. На полу в луже крови лежал мёртвый Алексей с перерезанной шеей. При виде батюшки монахи замолчали, и в комнате воцарилась полнейшая тишина. Некоторое время, батюшка Леонид молча, смотрел на убитого.

– Кто это сделал? – суровый его голос, – словно взорвал тишину.

– Епифан, – кто-то ответил из присутствующих.

– Почему так решили?

– Сбежал.

Видя замешательство друга, Фёдор Николаевич вступил в действие.

– Монах Сергей принеси мешок, – скомандовал он.

Когда мешок был доставлен, учёный вытащил из карманов брюк две пары резиновых перчаток, словно заранее приготовленных и, протянув одну из них монаху Сергию, другую одел сам. Вместе с ним они натянули мешок на голову

убитого. Затем также вдвоём завернули тело в полиэтилен и погрузили в багажник машины Фёдора Николаевича. Монахи, во главе с батюшкой, не говоря ни слова, наблюдали за происходящим. Прежде чем сесть в машину Фёдор Николаевич обратился к присутствующим.

– Я полагаю вы все понимаете, что в монастыре тело оставлять нельзя. Начнутся проверки и не дай Бог монастырь закроют. Этого не хочет никто. Я вывезу тело за пределы монастыря и закопаю. Насчёт этого можете не беспокоиться, монах Сергей поедет со мной. Вы уж тут сами отслужите по нему что надо. Да, ещё об этом инциденте никому ни слова. Как будто ничего и не было. Мы поехали.

– Нет, Федя, – батюшка Леонид, выйдя из оцепенения, остановил его.

– Братья, – обратился священник к монахам. – Не по-людски получается. Мы Алексея пять лет знаем. Все эти дома – срубы его руками поставлены, а стулья, скамейки, ведь тоже он сделал. За пять лет совместной жизни он никого не обидел. Да и Епифан тоже хорошим товарищем был. Дьявол его попутал. Я сейчас позвоню в полицию, если родственники Алексея не найдутся, то сами как полагается и похороним.

Все присутствующие монахи одобрительными возгласами поддержали своего наставника.

Эту ночь уже никто не спал. Подполковник Герасимов со своей группой приехал на вызов незамедлительно. Пока его сотрудники обследовали место преступления, подполковник

решил побеседовать с настоятелем без свидетелей. Они прошли в кабинет священника.

– Батюшка, пять лет без происшествий и тут такое. Что случилось с монахами? Мы ведь с тобой частенько перезваниваемся, ты вроде как на своих не жаловался, наоборот всегда хвалил.

На батюшку было больно смотреть. Сгорбленная спина, потухший, виноватый взгляд. В глаза подполковнику он старался не смотреть.

– Не знаю, Сергей Борисович. Ничего не знаю. И от этого ещё более стыдно. За текучестью дел, не заметил главного, что в ведомом мне заведении не спокойно. Такие страсти выходит бушевали, а я и в ус не дул. Ведь что-то предварило это убийство, не забавы ради Епифан убил Алексея.

– Ты больно-то себя батюшка не вини. Двенадцать мужиков, с криминальным прошлым, да ещё все в одном месте – это всё равно как горящая свечка над бочкой бензина.

– Да не были они такими, Сергей Борисович! Я с ними пять лет бок о бок, ничего плохого ни о ком сказать не могу.

– Но убийство на лицо батюшка, как ни крути.

– Это верно. Моя вина.

– Не буду больше терзать тебя, батюшка. Если вспомнишь что, мой телефон знаешь, – подполковник поднялся со своего места.

Обследовав место преступления и лично допросив всех монахов, подполковник со своими сотрудниками уехал, за-

брав тело Алексея в морг на экспертизу. Ни батюшка, ни монахи не рассказали полиции об учёном. Тот был представлен, как друг батюшки, приехавший в монастырь лишь вчера. Священник и монахи начали церковную службу по убитому Алексею. Лишь поздно вечером батюшка Леонид постучал в дверь спальни друга. Тот уже собирался лечь спать.

– Федя что происходит? – первое, что спросил он, войдя в комнату и усаживаясь в кресло.

– Ты о чём? – Фёдор Николаевич сразу понял о чём хочет поговорить друг, но сделал недоумённый вид.

– Федя давай на чистоту. Мне монахи рассказали о фильмах, которые ты им демонстрировал и что двое: Алексей и Епифан смотрели садистские фильмы.

– Ну, зачем ты так. Садистские и намёки всякие, – учёный пытался обидеться.

– Я жду объяснений, – священник был непреклонен.

Поняв, что отговорками дело не обойдётся и что вообще Лёня имел право знать об эксперименте, Фёдор Николаевич стал рассказывать.

– Лёничка мы все и твои монахи в том в числе стали участниками величайшего события, а именно возможности наблюдать процесс рождения преступных мыслей. Это ли не чудеса! У нас есть запись мыслей Епифана, до самого момента убийства. Мы наверняка знали, что он убьёт.

– Почему же не остановили?

– Понимаешь, то, что мы делали – это впервые. Нужно

было удостовериться, что он убьёт. Нам просто необходимо было знать наверняка, что подобные мысли действительно опасны.

Батюшка молчал. Фёдор Николаевич, приняв его молчание как знак одобрения, воодушевлённо продолжил.

– Ты представляешь, вживляя в мозг преступника специальные чипы, мы можем заранее узнавать о его преступных намерениях и, следовательно, предотвращать их.

Фёдор Николаевич в этот момент был совершенно искренен, он верил своим же словам. Но батюшка Леонид, напротив, с каждой секундой становился всё мрачней и мрачней.

– Скольким монахам ты вживил чипы, – сурово спросил он.

– Троим.

– Кому?

– Алексею, Епифану и Смурых Саше.

– Разумеется их согласия никто и не спрашивал. Так, значит своими жестокими фильмами ты вынуждал их сорваться, чтобы они породили преступную мысль, которую зафиксировала бы твоя аппаратура. Так?

Фёдор Николаевич молча, кивнул головой.

– Как вы учёные далеки от жизни. Возможно, чисто патетически рациональное зерно есть в ваших разработках, но не ужели вам не понятно, что важно не зафиксировать рождение преступной мысли, а важно не допустить её рождения вообще. Я пять лет боролся, чтобы мои подопечные научи-

лись жить, творя добро, а ты пришёл и за какие-то два месяца вернул их к прежней жизни. Зачем?

– Вернувшись в людской мир, они стали бы прежними. Я это доказал.

– Но зачем? Почему ты не изобрёл метод, который бы помог им противостоять пагубности реального мира? Почему ты не научил их этому? Почему?

– У меня была другая цель.

– Ловить преступников?

– Наверно так.

– А ты знаешь, что у Елифана было очень страшное детство. Его мать психически больная женщина. Её изнасиловал какой-то неизвестный. Кто отец, никто не знает. В детстве мать несколько раз пыталась убить сына в моменты приступов. Его отобрали у неё, определили в интернат, но он постоянно убегал. Только в монастыре он зажил счастливо.

– Почему ты мне раньше ничего не рассказал о матери?

– Кто же знал твои намерения. Похоже, это ты организовал мою поездку на симпозиум, чтобы я не мешал тебе. Как ты мог так поступить?

Фёдор Николаевич не нашёлся, что ответить.

– Твои подсаженные чипы несут вред здоровью?

– Нет, Лёня, конечно же нет. В этом будь уверен.

– Уезжай Федя. Мы, то есть я и монахи, ничего не сказали о тебе полиции. Завтра с утра и уезжай. Ещё, – батюшка оглянулся почти у выхода, – если какие-то новые обстоя-

тельства откроются по подопечным, я имею ввиду, если что-то пойдёт не так дай слово, что сообщишь?

– Само собой разумеется. Сообщу, Лёня.

Когда на следующий день Фёдор Николаевич приехал в институт, он первым делом пошёл в лабораторию.

– Шеф, как хорошо, что вы приехали, – радостный Слава встал со своего места. – Мы прочитали его мысли, Епифан намеревается убить!

– Он уже убил Слава, – грустно ответил Фёдор Николаевич. – Ты, Слава и остальные ребята свободны. Не надо больше отслеживать мысли.

– Не расстраивайся ты так, это издержки производства. Никуда от них не денешься, – на пороге стоял директор института, Эдуард Семёнович. – Проходил мимо, услышал знакомый голос. Здравствуйте товарищи, – и, кивнув молодому аспиранту, директор протянул Фёдору Николаевичу руку для приветствия. – С возвращением.

Обменявшись рукопожатием, профессор обратился к шефу.

– Эдуард Семёнович я как раз к вам собирался. Проходите в мой кабинет, мне надо с вами посоветоваться. Слава ты свободен.

Пройдя следом за директором в кабинет и плотно прикрыв дверь, Фёдор Николаевич заговорщицки, взяв стул сел поближе к шефу и весьма тихо заговорил.

– Эдуард Семёнович, может нам пойти на взаимодействие

с полицией? – увидев удивлённый взгляд директора, тут же добавил. – Я имею ввиду поимку того самого монаха, который убил. У него ведь наш датчик и мы можем его отследить. А за одно проверим и эту функцию чипа.

Директор молчал всего пару секунд.

– Молодой ещё. А я вот уже пожил и вот что тебе скажу. Нам за это спасибо, лишь полиция и скажет. А вот право-защитники так дело раскрутят, что мы с тобой за решёткой и окажемся. Поясняю. Мы тайно вживили, мы подстрекали. Вообще, всё мы да мы. Улавливаешь мысль. И потом, мы что банду преступников на свободу выпустили. Подумаешь одного, будь уверен его и без нас полиция мигом поймает, так что спи спокойно, – директор поднялся со стула. Уже у двери он как бы спохватился.

– Из-за какого-то криминального монаха, ты о главном забыл. То, что наш институт сделал, во главе с тобой – громаднейший прорыв в науке. Так что поздравляю и тебя, и себя, – директор вышел, прикрыв за собой дверь.

Спасибо, – Фёдор Николаевич поблагодарил шефа уже в спину.

Глава 16

Родственники Алексея не нашлись, потому похороны взял на себя монастырь. С большой теплотой проводили монахи своего товарища в последний путь. После похорон собрались в столовой на поминки.

– Братья, – начал батюшка, – мы вместе уже больше пяти лет. Вы со мной согласитесь, если я скажу, что куда не кинь взор в нашем монастыре, везде творения рук Алёши. Все постройки деревянные, а их в нашем хозяйстве немало, сделаны его руками. Он всегда первым приходил на помощь.

– Верно! Он меня плотницкому делу обучил, – крикнул с места монах Степан. – Благодаря ему, я теперь что хочешь могу из дерева смастерить.

– Меня научил в шахматы играть.

– А меня на баяне.

Монахи как бы поочереды стали вторить Степану, и вспоминать какому делу обучил их Алексей. Как оказалось, каждому из монахов Алексей помог кому делом, кому словом. Дождавшись, когда монахи выскажутся, батюшка продолжил.

– Вот видите, братья мои, какой хороший человек был рядом с нами. Как могло случиться подобное, у нас в монастыре, ума не приложу?

– Это всё учёный, он смуту внёс в нашу жизнь, – слы-

шались голоса. – Пусть забирает свои телевизоры, к чёртовой матери! Чего их оставил.

– Братья мои, – вновь начал священник, – таких соблазнов как жестокие фильмы в жизни много. От всех не спрячешься. Надо уметь противостоять им.

– А как?

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Что если нам взять шефство над детским домом, что в городе Благое. Вы детей знаете, не раз бывали там с помощью: снабжали детишек свежими овощами, помогали с ремонтом. А теперь я постараюсь получить разрешение, чтобы и дети посещали нас.

– Хорошо бы, мы бы их плотницкому делу обучили.

– Огородничеству, – монахи дружно поддержали своего наставника.

– Вот и хорошо. Я подумаю, как нам лучше всего это сделать, встречусь с директором детдома, узнаю его мнение, подготовлю соответствующие документы и поеду в мэрию. Думаю, что нам не откажут.

Глава 17

Этой ночью батюшка не спал. Он лежал с открытыми глазами и думал. Недавняя трагедия, унёсшая жизнь одного монаха, другого же, заставляющая скрываться, вновь заставила батюшку поволноваться. В который раз уже после случившегося, он спрашивал себя: “А за своё ли дело он взялся? По силам ли оно ему? Всё ли он продумал? Правильный ли путь избрал?” Сегодняшний разговор с монахами успокоил батюшку. Добрые слова, которые были высказаны в адрес покойного Алексея, свидетельствовали, что его подопечные научились видеть и помнить доброе в другом. А воодушевление, с которым они восприняли идею шефства над трудными подростками из интерната, было ни что иным как желанием быть кому-то полезным, желанием творить добро. “Нет! Всё мы делаем правильно,” – эта радостная мысль, мелькнувшая в его мозгу, отразилась едва заметной улыбкой на его губах и тёплой волной окатила душу.

Батюшке вспомнился и тот день, когда он впервые пришёл к отцу Виктору и рассказал ему о своей мечте. Он не помнил того дня, когда мечта зародилась в его мозгу. Он просто однажды заметил, будучи ещё школьником, что как бы сильно он не был расстроен, неважно по какой причине, приходя к отцу в церковь и слушая его молитвы или рассказы о боге – успокаивался, мало того получал какой-то заряд энергии,

воодушевления. После посещения церкви – дела спорились, для проблем находились решения. Постепенно, он стал замечать, что подобное происходит не с ним одним. Тайком, наблюдая за прихожанами их деревенской церквушки, он видел, как люди реально менялись, становились добрее, милосерднее. К примеру, местный пьяница дед Николай, изменился до неузнаваемости после того как, однажды, случайно, попал в церковь и стал свидетелем вечерней службы. Во-первых, он стал завсегдатаем церковных молебн, а позже вообще перестал пить и напросился к отцу послушником. Ещё тогда, школьником, он задумался отчего так происходит, почему уговоры, угрозы, наставления менее эффективны чем, к примеру, обретение веры в бога. Что такое происходит в мозгу человека, что он так преобразуется в лучшую сторону, начиная посещать церковь. В поисках ответа на этот вопрос он и поступил в медицинский институт. Его интересовал мозг человека, его структура. Он хотел узнать существует ли такой отдел мозга, а если да, то где находится та его часть, которая ответственна за моральные принципы человека. А может быть вера в бога – это вообще камертон для мозга, который необходим ему в качестве нравственной настройки. И самое главное, за время учёбы в медицинском институте, он надеялся найти и другие механизмы воздействия на мозг, способные возродить в человеке хорошее, светлое. А что хорошее есть в каждом, он не сомневался. Просто это хорошее, считал он, вытеснено плохими обстоя-

ательствами. В институте его желание возродить в людях хорошее, то о чём он многие годы мечтал, трансформировалось в идею создания монастыря для обездоленных, оступившихся, для того чтобы попробовать вернуть им радость труда, общения в атмосфере нормальных человеческих взаимоотношений. И когда безответная любовь, и смерть отца болью отозвалась в душе, он чтобы не оступить с головой ушёл в претворение этой идеи. Отец Виктор тогда серьёзно помог ему и советом, и делом. Много этой ночью вспомнилось батюшке. И то как боролся с консерватизмом чиновников, которые не верили, что постояльцы найдутся. И только, когда желающих жить в монастыре перевалило за десять и на сбережения отца Виктора они смогли приобрести срубы, и оборудовать их под свои нужды, только тогда вера в существование монастыря укоренилась в душах чиновников и они если не помогали, то хотя бы перестали вставлять палки в колёса.

Глава 18

Москва. Академия наук. Пресс-конференция профессора Смирнова Фёдора Николаевича и директора "Института мозга" Ковалёва Эдуарда Семёновича. Вступительное слово дали профессору.

– Дорогие друзья, коллеги, гости! – начал учёный. – Сегодня мы стоим на пороге решения вопроса преступности. Нашим институтом были разработаны и успешно апробированы специальные датчики-чипы, которые будучи вживлёнными в мозг человека, начинают регистрировать его мысли. Многие воскликнут, что это нарушение прав и свобод граждан. Это было бы так, если бы подобные чипы вживлялись всем подряд, но мы ставили перед собой другую цель, а именно вживлять чипы опасным преступникам, больным людям. Нас интересуют лишь преступные мысли. Заранее зная, к примеру, о готовившемся преступлении мы могли бы предотвратить его. Эксперимент доказал это.

– Вы что же вживляли чипы людям? – спросил один из корреспондентов.

– Да, но, конечно же, предварительно получив их согласие. Всё происходило в лаборатории, под нашим наблюдением.

– Эти люди преступники?

– Да. В прошлом.

– Если не секрет, кто были вашими подопытными?

– Это секрет. Единственно могу сказать, что эти люди из одного прихода.

– Если я вас правильно понял, – начал один из корреспондентов, – то всё будет происходить примерно так: совершил человек преступление и ему вживляют чип. Прямо на зоне?

– Почему нет. В будущем это вполне возможно. Сигналы от него передаются на специальный дисплей, где указываются координаты нахождения данного человека и характеристики его мыслей.

– И вы рассчитываете успеть?

– В будущем так и будет.

– Вы гарантируете, что вживление чипов не повредит здоровью пациентов?

– Да.

– У вас есть реальные договоры на вживление ваших чипов? Если да, то с кем?

– Заявок много. Колонии строго режима, тюрьмы, со всей страны звонят и просят включить их в чиповскую диспансеризацию, если так можно выразиться. Документы дорабатываются чисто юридически. Один договор у нас на стадии завершения и не сегодня – завтра мы начнём вживлять чипы заключённым колонии.

После пресс-конференции были поздравления учёных-коллег из других институтов и шикарный банкет. Жена Фёдора Николаевича – Ира, присутствующая на банкете бы-

ла горда за мужа. Признание его заслуг в научном мире было неоспоримым. Ирина ловила на себе завистливые взгляды жён других учёных и они, эти взгляды приятно тешили её самолюбие. Уже дома, лёжа в постели Ирина спросила.

– Федюша, ты упомянул в интервью о приходе, значит монахам Лёниного монастыря ты вживил чипы. Да?

– Какая ты у меня догадливая, – Фёдор Николаевич ласково поцеловал жену. – Эксперимент прошёл просто блестяще. Нам удалось зафиксировать мысль о готовящемся убийстве.

– И что же предотвратили?

– Нет! Дорогая, на тот момент перед нами стояла другая задача. Нам необходимо было убедиться, что подобная мысль влечёт за собой действие.

– И что же?

– Наш подопечный совершил преступление.

– Он что убил?

– А что тебя так удивило? Каждый день убивают как минимум по десять человек. В наше преступное время – это стало обычным делом.

– Причём здесь время! Вы знали, что готовится убийство и не предотвратили – это безнравственно!

– Что ты такое говоришь?! Мы – учёные, наше дело – наука, а преступников пусть ловит полиция. Всё, давай спать, – обиженный он отвернулся к стене.

Через минуту Ирина услышала сладкое посапывание мужа и, махнув рукой от досады встала с постели. Спать совсем

не хотелось, день полный впечатлений, да ещё перебранка с мужем окончательно растормошили её. Налив себе стакан сока и взяв сигарету, она вышла на балкон. Было час ночи. С высоты их десятого этажа ночная Москва была какая-то особенная. Освещённая множеством уличных фонарей, красочным светом многочисленной рекламы она словно река светлячков уносилась далеко вдаль. И эта река света навеяла на Ирину такую тоску, что ей захотелось плакать. Она вдруг отчётливо поняла, как призрачна эта красота и жизнь вместе с ней. И что самое главное и ценное в жизни она потеряла, упустила в погоне за мишурой обеспеченности. Ирина впервые за двадцать лет своей супружеской жизни призналась себе, что выбрала своего Фёду, отказав Лёне, по простой причине расчёта. Почувствовав тогда в Фёдоре неудержимые амбиции и тягу к славе, она разумно посчитала что и ей перепадёт тепло от света его звезды. И сегодня, купаясь как раз в этом свете, она отчётливо поняла, насколько непостоянно для неё это соседство. Её знаменитый муж, сегодня легко принёс в жертву науки чужую им жизнь, но уже завтра, возможно, ему понадобится её жизнь, и он с лёгкостью пожертвует и ею.

Глава 19

В лаборатории профессора Смирнова Фёдора Николаевича в спешном порядке заканчивали подготовку чипов для вживления в мозг заключённым колонии. Работали не покладая рук, так как уже на завтра директор института Эдуард Семёнович запланировал подписание контракта с администрацией колонии. Фёдор Николаевич был у себя в кабинете, когда аспирант Слава позвонил ему.

– Фёдор Николаевич, вы помните, что вживлённые чипы каждые два месяца автоматически сканируют мозг своих подопечных?

– Ну, помню и что? Не тяни!

– Мы конечно не отслеживали мысли наших монахов, но так как от аппаратуры они всё же отключены не были, то чипы просканировали их мозг, как положено. Всё было сделано строго по программе. Я, кстати, случайно их обнаружил.

– Ну, и что? Зачем мне подробности. Ну пришли сканы, и что из этого.

– На снимках такое..., – аспирант загадочно замолчал.

– Что ты так разволновался, аж говорить не можешь. Приноси снимки мне в кабинет, – раздражённо бросил Фёдор Николаевич.

Через десять минут распечатки уже были на столе шефа. Некоторое время профессор молча, рассматривал сним-

ки, а затем бросив Славе: "Никому о снимках не говори", вышел из лаборатории. Время было позднее, потому он поехал домой на своей машине. Настроение испортилось, так как контракт мог сорваться, а тут ещё нарушители движения.

– Глаза разуй! – не сдерживаясь, Фёдор Николаевич крикнул пожилому мужчине, который подрезал его.

Разрядившись, он с огорчением отметил, что легче не стало. Раздражение от не вовремя, пришедших томографий монахов всё более нарастало.

“Чёрт! Из-за них придётся от такого выгодного контракта отказаться, а Ленка в этом году школу оканчивает, хотел её в Англию учиться отправить... Теперь не получится”.

Приехав домой Фёдор Николаевич с порога сказал жене, что ужинать не будет и прошёл в свой кабинет. Плотно прикрыв дверь, он сел за рабочий стол и разложил на столе сканы ОЭКТ монахов до участия в эксперименте и их же сканы спустя пять месяцев, после вживления чипов. Он с ужасом отметил, что к тем патологиям мозга, которые у монахов уже были добавились новые патологии и не менее опасные. У обоих монахов беспорядочно часто стала включаться лимбическая система, которая работает как рубильник, переключающий сознание между эмоциями и рациональным мышлением. "Что там по поводу лимбической системы"? Фёдор Николаевич как студенту задавал себе вопросы и сам же на них мысленно отвечал. "Когда лимбическая система включается, нас захватывают неконтролируе-

мые эмоции! При ненормальной её работе человек проявляет агрессию по отношению к другим или к себе – аутоагрессия. Понятно, но это не все изменения. Это лишь первое! Есть и второе"! Фёдор Николаевич даже вытер пот со лба, столь сильно было напряжение.

"Появились отклонения в работе левой височной доли. А это означает, либо само жестокое поведение, либо мысли о нём. Вот это да! Оба наших подопечных готовы убить из-за пустяка, по причине появившихся нарушений в мозгу. Что же делать"?

Нервничая Фёдор Николаевич не мог усидеть на стуле. Он встал и стал ходить по комнате взад – вперёд. Его волновал лишь один вопрос, как не потерять контракт. Его мозг лихорадочно работал. Он решил позвонить директору, чтобы тот был в курсе дела, если надумает напрямиком с утра поехать в колонию для подписания контракта.

– Эдуард Семёнович у меня плохие новости. Похоже, контракт придётся отложить.

Жена Ирина между тем, обеспокоенная, что муж не стал ужинать, решила отнести еду ему в кабинет. Она как раз открывала дверь, чтобы внести поднос с едой, когда услышала нервный разговор мужа, стоящего у окна к ней спиной. Не в её правилах было подслушивать, но то что она услышала заставило её это сделать.

На другом конце провода похоже сильно возмутились, потому муж оправдывался.

– Пришли сканы монахов из монастыря, которым были вживлены чипы. Эдуард Семёнович, наши чипы стали наносить вред своим подопечным! Они разрушают монахам их мозг. Появились новые серьёзные патологии. Эти наши подопечные в буквальном смысле становятся преступниками. Если сказать точнее – убийцами. В чём причина я не могу понять. Что будем делать? Не хотелось бы потерять контракт, но выхода нет.

Потом ещё о чём-то говорили, наконец Фёдор Николаевич попрощался и положил трубку.

Ирина успела закрыть с обратной стороны дверь в кабинет, прежде чем муж обернулся. То, что она услышала повергло её в шок. В голове как белка в колесе крутились слова мужа: «Не хотелось бы потерять контракт». Не то как спасти монахов, а как не потерять контракт.

А Фёдор Николаевич между тем нервно ходил по кабинету пытаясь понять, что произошло и почему чипы навредили работе мозга своему подопечному..

"Что произошло, почему появились ухудшения в работе мозга? Вина чипов, но как они могли повлиять"? Нервно ходя по комнате, Фёдор Николаевич прокручивал предположение, за предположением, но всякий раз отказывался от них, как от несостоятельных.

"Единственно можно предположить, чисто теоретически конечно, что сигналы, исходящие от чипов, вызвали метаболические изменения в клетках мозга. Поврежденные клет-

ки запустили разом все свои нейромедиаторы, из-за которого мозг наводнился химическими веществами, сжигающие определенные рецепторы. Отсюда изменения в работе мозга. Теоретически это возможно, но необходимо ещё найти подтверждение всему этому. Что же делать? Скрыть и пусть идёт как идёт. Нет! Слишком большой риск. Чёрт! Придётся сворачивать контракт".

Всю ночь Фёдор Николаевич проходил по кабинету в поисках выгодного для их института решения, но так и не найдя, он с утра пораньше направился к директору института, тот был у себя и нетерпением ждал его.

– Эдуард Семёнович, у меня к вам серьёзный разговор, – Фёдор Николаевич, не ожидая приглашения сел. – Сделку похоже придётся приостановить.

– Ты что, в своём уме! Надо найти решение. Безвыходных ситуаций не бывает.

– Напомню, – начал Фёдор Николаевич, – в обязанности чипа входит сканирование мозга подопечного каждые два месяца.

– Ну?

– Вот пришли новые снимки, – Фёдор Николаевич протянул их директору.

– И что? – тот нехотя перебирал их.

– Посмотрите, – и Фёдор Николаевич подробно рассказал о появившихся изменениях в работе мозга испытуемых, опасных не только для их жизни, но и людей их окружающих.

– Хватит! Запугал совсем. Что случилось Фёдор Николаевич, как думаешь? Может они там у себя травмы получили?

– Все двое.

– Почему двое? Их же было три?

– Одного уже убили, Алексей, который.

– Да, час от часу не легче.

– Я сначала переживал, а теперь думаю и слава Богу. И так у нас двое проблемных.

– Почему у нас, Фёдор Николаевич? Забудь уже про монастырь, – раздражённо бросил директор. – Ты мне ответь, могли чипы спровоцировать подобные изменения?

– Эдуард Семёнович – вот теперь будем работать и выяснять! Не посадив чипы, не получив новые сканы, откуда можно было знать...

– Что делать будем, Федор Николаевич? Жалко отказываться от такого выгодного контракта. Может быть рискнём, сыграем так сказать ва-банк, авось пронесёт.

– Не стоит Эдуард Семёнович. Слишком много на карту поставлено, лучше не рисковать. Отложим на месяц, найдём какую-нибудь уважительную причину. Они всё равно ни в чём не разбираются, а там видно будет.

– Пожалуйста, держите всё в секрете, а то нас журналисты на куски порвут.

– А что делать с теми двумя монахами? У них до нашего эксперимента были серьёзные патологии, а тут ещё доба-

вились. Наши подопечные, Эдуард Семёнович практически на сто процентов будут убивать, если уже не начали. У них мозги маньяков. Мы выпустили дьяволов из клеток.

Эдуард Семёнович слушал как-то рассеянно, его мысли были совсем о другом. Он едва дождался, когда профессор закончит говорить и с воодушевлением произнёс.

– Федор Николаевич, а ведь ты зря паникуешь. Мы по собственной инициативе сканировали мозги монахов. Так? Так. Это нам для эксперимента нужно было. А для заключённых кто этим заниматься будет? Чипы, всё равно ты вживлять будешь. Без сканов никто ничего и не заметит. Так что я сейчас еду и заключаю контракт с колонией строго режима и всё. Пусть идёт, как идёт. Начнут бузить, перестреляют их всех. И очень хорошо сделают, хорошим людям спокойней жить будет. Это на случай если бузить начнут, а если всё обойдётся и, слава Богу. А монахов отключите от аппаратуры и забудем о них. Федя, это наука, она не бывает без ошибок. Так что повода для паники я не вижу, ты что думаешь?

– Наверно вы правы, – в голосе Фёдора Николаевича ещё чувствовались нотки сомнения, но немного подумав, уже более уверенным голосом он продолжил. – Лес рубят, щепки летят. Будем искать причину сбоя чипа, как найдём – исправим, а пока пусть всё идёт своим чередом, – успокоенный поддержкой директора Фёдор Николаевич пошёл работать и больше к этим переживаниям не возвращался.

Ещё пару дней у профессора совестливо болела душа, на-

помятая, что он дал слово другу Лёне, что в случае чего позвонит ему. Но как-то дела, затянули, а потом, когда монахов отключили от аппаратуры, он и вовсе про них забыл.

Глава 20

Ирина не находила себе место. То, что она услышала о чипах-разрушителях не давало ей покоя. Женщина решила позвонить Лёне, и всё ему рассказать, предполагая, что ради контракта муж оставит всё в тайне. Было утро, батюшка Леонид работал с документами у себя в кабинете, когда раздался телефонный звонок.

– Да! Я вас слушаю, – священник ответил на звонок, продолжая что-то писать.

На другом конце провода молчали.

– Говорите, я слушаю, – батюшка повторил просьбу.

– Лёня здравствуй, – Ирина набралась смелости и поздоровалась.

Ей не надо было представляться, ибо её сразу же узнали.

– Здравствуй Ири., – батюшка хотел сказать Ириша, он так называл её в далёкой юности, но тут же поправился и произнёс, – Ира.

Несколько секунд оба молчали, женщина первая вышла из ступора и быстро добавила.

– Лёничка, как я рада тебя слышать! Как поживаешь? Как работа? – Ира сыпала вопросы.

А между тем батюшка вытер носовым платком пот и, стараясь унять волнение, ответил.

– Нормально. Всё хорошо, как ты? Работаешь? Голос у

тебя совсем не изменился.

– Если только голос, Лёничка, а так сорок три, года берут своё.

– Только не у тебя Ириша, – батюшка даже не заметил, что назвал жену друга, как в былые года их юности. – Мне Федя показывал ваши фотографии, так ты там выглядишь как старшая сестра своей дочери. Она между прочим у вас красавица. На тебя похожа.

Сердце Иры учащённо забилося на слове "Ириша", так нежно называл её Лёня, когда она была его девушкой.

– Ты что же Лёничка в Москве совсем не бываешь. Так хочется встретиться, поговорить.

– Ну почему не бываю, как раз сегодня собирался. Через полчаса как выезжаю. Мне по делам в московскую Епархию нужно.

Женщина перебила его, обрадовано воскликнув.

– Лёничка к нам заезжай, Федя и я будем рады тебе.

– Нет Ириша, я туда и обратно. Как – нибудь в следующий раз.

– Обещай, что как только в Москву приедешь, позвонишь. Я сама приеду, в то место, где ты будешь. . Очень хочется встретиться.

– Хорошо Ириша, позвоню...

Через минуту батюшка уже стоял перед раскрытым шифоньером в раздумьях что одеть. Костюм, купленный по случаю поездки в Амстердам, пришёлся кстати, на нём он и

остановил свой выбор. Чуть позже позвонил знакомый бизнесмен, сообщив, что прислал машину с шофёром и уже можно ехать. Усевшись поудобней, дорога предстояла не близкая, батюшка попытался уснуть, но воспоминания терзали память, гоня сон прочь.

Звонок Ирины заставил его изрядно разволноваться. Не было дня, чтобы он не вспоминал её. Эта девушка была его первой любовью и осталась в его сердце навсегда. В год его знакомства с Ирой, он с другом Федей учился в медицинском институте на пятом курсе. В тот день Ира стояла на остановке и ждала трамвай. Её светлые волосы в лучах весеннего солнца казались золотыми, и вся она хрупкая синеглазая показалась Лёне столь обворожительной, что он забыл, куда и зачем шёл, а сев вместе с девушкой в трамвай, затем целый день ходил за ней по пятам. Сидя на подоконнике, ждал окончания её четырёх пар в педагогическом институте, следуя за ней от одной аудитории к другой. Девушка заметила скромного кавалера и, улыбаясь частенько, оглядывалась на него, но не давала и малейшего повода для знакомства, очевидно желая проверить его упорство. Только к вечеру у дверей общежития, она остановилась и, улыбаясь, спросила.

Молодой человек, неужели у вас нет других дел, как ходить за мной целый день.

– Ну, в общем-то есть.... Я сегодня пропустил занятия в медицинском институте.

– Так вы на врача учитесь?

Лёня, похоже, покори́л девушку своим упорством, потому как целых два часа они разговаривали, стоя возле общежития. Так началась их дружба. Они стали встречаться. Через месяц Лёня познакомил Иру, так звали девушку, с Федей. С этого времени они частенько гуляли втроём. Воспоминания для батюшки были столь свежи, как будто не было минувших двадцати лет. Его сердце учащённо билось. ... Тот день он помнил в мельчайших подробностях. Позвонила Ира.

– Лёня, здравствуй, – голос девушки дрожал, она нервничала. – Ты не мог бы уделить мне несколько минут?

– Ириша о чём ты говоришь! Конечно.

– Давай встретимся, это не телефонный разговор. Через час в кафе "Студенческое" устраивает?

– Устраивает Ириша, вполне... Голос у тебя грустный, с тобой всё в порядке?

– Через час в кафе, – и она бросила трубку.

Лёня немного опоздал, Ира уже была там и заказала им обоим по чашечке кофе.

– Привет Иришка, извини, что задержался, – Лёня сел за столик, напротив неё. Заглядывая ей в глаза, нежно спросил. – Что случилось?

Ира не смотрела на него. Потом как-то резко сказала.

– Лёня, давай останемся друзьями, – и тихо добавила. – Я люблю Федю.

Батюшка воочию увидел себя тогдашнего, понуро сидящего в кафе, желающего лишь одного – смерти, так невыно-

симо болела душа. Через две недели он взял академический отпуск в институте по семейным обстоятельствам и уехал к себе на родину в Подмосковьё.

Как и обещала Ира приехала к Епархии и затем они вместе прошли в соседнее кафе. Заказали себе по чашечке кофе.

– Ира, ты совсем не изменилась. Даже ещё красивее стала.

Зардевшись, от восхищённого взгляда Лёни, она перевела разговор.

– Ты – священник, да? Мне Федя говорил, что у тебя монастырь.

–Теперь я – батюшка Леонид и очень этому рад. Ты знаешь Ира, я твёрдо уверен, что плохих людей не бывает. Надо верить людям, любить их. Вера по истине творит чудеса.

–Ты имеешь в виду веру в Бога.

–Да, да конечно. Я не раз был свидетелем как, обретая веру в Бога, преступники менялись, становились лучше, каялись в содеянном, и не желали возвращаться к прошлому. Нас в монастыре двенадцать человек. Веришь, мы все как одна семья... Переживаем друг за друга, помогаем друг другу, – батюшка говорил с воодушевлением. – Правда у нас случился один неприятный случай, – батюшка сделал паузу, но через пару секунд продолжил.

– Один монах убил другого, – сердце Иры замерло, она почему-то испугалась, что Лёня насчёт обвинять её мужа в произошедшем, но ничего подобного не произошло.

– Но я надеюсь, что это больше не повторится. Ты знаешь

они такие доверчивые, ну прямо как дети. Возможно от того, что ни у кого из них не было детства.

Целых два часа Лёня с Ирой провели в кафе. Вспоминали прошлое, смеялись, шутили. И у Иры не хватило смелости расстроить старого друга вестью, что его монахи, которым вживлены чипы по сути стали преступниками. Так искренне Лёня верил в своих подопечных, что на прощанье она лишь сказала.

– Ты прости меня, Лёня. Меня и Федю.

Вечером, когда муж пришёл с работы, сидя за столом, Ира спросила, как бы невзначай.

– Федюша, как дела на работе, контракт подписали?

– Да. Всё отлично. А где, Лена?

– У репетитора, а что?

– Хотел её обрадовать, Англия нашей дочке обеспечена.

А у тебя как дела?

– Лёню видела, он в Епархию приезжал, мы с ним в кафе встретились.

– Что это тебя к бывшему ухажёру потянуло? – как не старался Фёдор Николаевич, но не смог скрыть раздражения.

– Не говори глупости, я его к нам домой приглашала. Он отказался – некогда.

– Тогда ты быстрее сама побежала.

– Зачем ты так, – жена обиженно ушла в спальню.

Глава 21

На пороге давно как стояло лето и всем хотелось в отпуск. Подполковник Сергей Борисович Герасимов был в своём кабинете и вёл оперативку, когда зазвонил телефон.

– Да, Герасимов слушает.... Где? В лесопарковой зоне. Выезжаем.

– Труп девушки... с особой жестокостью. В лесопарковой зоне, – подполковник повторил услышанное своим сотрудникам и встал с места.

Город Благое, где находился отдел по расследованию убийств, был окружён лесом. Но с каждым годом город расширялся, отбирая земли у леса. Кусочек девственного леса, власти города решили оставить и строительство новых домов началось уже за ним. В этой небольшой лесной зоне планировали в будущем сделать парк, а пока жители новых домов вынуждены были ходить через этот лес, где по сообщению, как раз и было совершено убийство. Подполковник Герасимов вместе с сотрудниками своего отдела: майором Владом и капитаном Анатолием прибыли на место преступления. Там уже были местные участковые, патрулирующие лесопарковую зону и группа криминалистов.

Молоденькая девушка вся окровавленная лежала на траве. Множество ножевых ранений, а грудную клетку преступник разрубил топором на две части.

– Господи, что творят, – подполковник Герасимов подошёл к криминалистам. – Привет Петрович, – и они обменялись рукопожатиями.

– Девушка совсем молоденькая, – Петрович сокрушённо покачал головой.

Осмотр места происшествия занял более трёх часов. В привычке следователя Герасимова было лично осматривать место происшествия. Все подозрительные вещи были им собраны и переданы на экспертизу. Ближе к трём часам дня собрались в кабинете подполковника.

– Влад, Анатолий докладывайте, – подполковник, сделав себе чашечку кофе, приготовился слушать.

– Убитая Иванова Ольга, двадцати лет, – первым заговорил майор Влад. – Работает в кафе "Утро", возвращалась с работы. Живёт за лесопарковой зоной. Что касается личной жизни, есть парень. Зовут Алексей – водитель маршрутки. Убийство Оли воспринял очень тяжело, похоже не причастен к случившемуся. Свидетелей нет. Никто ничего не видел и не слышал.

– Ольга была единственным ребёнком, – вступил в разговор капитан, – жила с родителями. Пока давать какие-либо показания они не в состоянии. По словам соседей, Оля была хорошей дочерью. Вежливая, заботливая. Соседи не припомнят, чтобы она с кем-то ссорилась или у неё, были враги.

– Похоже убийство случайное. Преступник девушку не знал, – подполковник поставил пустую чашку на стол. Но...

Есть одно, но. Судя по тому, что следов преступника нет, а я думаю, что и криминалисты ничего не найдут, напрашивается мысль, что преступник, не зная девушки, шёл на преступление вместе с тем осознанно. Он точно знал, что будет рассекать грудную клетку.

– Почему вы так решили? – спросил Анатолий.

– Да потому Толя, что, идя на преступление, он взял с собой топор. И ещё, он не испытывал ярость. Нет! Он всё делал спокойно и последовательно, словно по сценарию. Ни одной рваной раны. Хладнокровия ему не занимать.

– Думаете маньяк?

– Я был на месте преступлений маньяков, там весь воздух, вся атмосфера пронизана мстостью, злобой, яростью. Здесь такого я не почувствовал. Либо он только встаёт на эту тропу, либо ..., даже не знаю, что другое предположить. С завтрашнего дня ты Анатолий занимаешься родителями, соседями, ну а ты Влад – коллегами девушки. Может к ней кто-то на работу приходил или следил за ней. Я схожу к криминалистам. – На этом всё, – закончил подполковник, взглянув на часы.

Глава 22

Заведующий отделом криминалистики Петрович был у себя.

– Можно? – подполковник заглянул в кабинет.

– Проходи Серёга, хотя обрадовать тебя нечем, чай с булочками будешь?

– Давай. Не обедал.

Петрович налил в чашку свежезаваренного чая и пододвинул тарелку с булочками.

– Сахар есть?

– Держи, – и Петрович протянул пачку рафинада. – Хотя в твоём возрасте сахар уже вреден.

– Знаю, но без сахара лично мои мозги не работают. Что Петрович, никакой зацепки? – подполковник, положил в чашку с чаем три куска сахара.

– Есть кое-что. На подошвах кроссовок убийцы я обнаружил частички какого-то растения, похожего на мох. В парках нашего города это растение или мох не произрастают. И поведение убийцы мне показалось каким-то странным.

– Мне тоже оно таким показалось. Действия размеренные, как будто знал, что делать.

– Вот, вот. Правильное слово подобрал "знал, что делать", словно под диктовку убивал.

– Результаты экспертизы есть?

– Кое-что есть. На возьми, – Петрович протянул следователю протокол и его копию.

– Спасибо Петрович и за мох, и за чай. Будем думать.

По дороге домой подполковник, как обычно, зайдя в магазин купил батон хлеба, палку колбасы и бутылку кефира. Дома, уложив на тарелку гору бутербродов и взяв бутылку кефира, прошёл в комнату и сел за свой привычный рабочий стол. Включив настольную лампу и компьютер, он принялся есть, хотя его мозг лихорадочно работал. Взгляд подполковника скользнул по лицу монаха Епифана. Фотография этого мужчины давно как лежала на столе следователя, но всё безрезультатно. Монаха поймать никак не удавалось, хотя после убийства прошло более двух месяцев. Монах, словно в воду канул, нигде его не видели. В мозгу мелькнула мысль: "Может это он убил девушку"?

– Ни черта! – следователь произнёс это вслух, дожёвывая последний бутерброд. – Того монаха, которого якобы убил Епифан, полоснули по горлу. А нашу девушку убили ударом ножа в живот. Ударов было несколько. Нож, это единственно, что у них общее, – следователь разговаривал сам с собой. – И потом, в монастыре была ярость. Преступник брезгливо вытер нож об одежду потерпевшего. Именно брезгливо, потому как вытирал тщательно. Что самое интересное, нож остался на месте преступления. Зачем тогда нужно было его вытирать? Потому что преступник ненавидел убитого и был на него зол, – подполковник, взяв пустую тарелку и бутылку,

направился на кухню.

Сделав себе кофе, он вернулся к столу. Почему-то рука никак не хотела убрать в сторонку фотографию Епифана. Наоборот, он, достав результаты экспертизы убийства в монастыре и убийства девушки, стал изучать их на предмет связи. Прошло не менее получаса, прежде чем он воскликнул.

– Интересная вещь получается, а ведь связь в этих двух убийствах всё же налицо. Характеристики ударов ножом одинаковые: и монах, и девушка убиты ударом наискосок, похоже, под одним и тем же углом. И обхват ножа одинаковый. Вот это да! Надо завтра с Петровичем переговорить. Неужели эти убийства совершены одним человеком? Но какая между ними связь? Нынешний убийца девушки явно не в себе. Такая жестокость! Но тогда кто он? Психически больной? Откуда он взялся в наших краях? Что-то там Петрович говорил о грязи на его кроссовках. Убийство произошло в сосновом бору, а на его подошвах листья и мох. Надо бы ребят послать разузнать, какие в наших краях леса растут. Обозначив направления расследования, подполковник лёг спать.

Глава 23

Всё следующее утро занимались текущими делами. Лишь к одиннадцати часам утра собрались в кабинете подполковника. Докладывал капитан Анатолий.

– Я был в Сельхозинституте на факультете растениеводства. Мне там сказали, что подобный мох встречается в лесах, которые произрастают в тридцати километрах от нас. Не менее.

– Значит преступник наш гость. Какие там деревни, рядом с этими лесами? – поинтересовался подполковник.

– Новодвор, Заря, Серпухово. Видимо поблизости появляться боится, потому в город и направился.

– Вполне возможно Толик. Наведайся ты с Владом в эти деревни. Поспрашивайте участковых, что да как, покажите фотографию Епифана. Экспертиза подтвердила, что монаха и девушку убил один и тот же человек. Пока остановимся на Епифане. Вновь разошлите по полицейским участкам, развесьте по городу и окрестностям фотографии этого монаха. Его обязательно надо найти. Похоже раньше отсиживался, а теперь пустился во все тяжкие.

– Как это вы догадались, что это он?!

– Обратил внимание на нож. Показалось, что удар – схож. Так оно и есть.

– Всегда удивляюсь вашей интуиции, – Влад высказал под-

полковнику своё восхищение.

– Поработаешь с моего и ни только об этом будешь догадываться. Посторонние разговоры на этом закончили. Я еду в монастырь. Хочу поговорить без протокола с наставником монастыря. Есть у меня кое какие соображения, хочу проверить. Всё работаем.

Подполковник подъехал к монастырю в час дня не на полицейском Уазике, а на своей Ниве. Следователь решил встретиться с настоятелем неофициально, без всякого шума, чтобы на случай появления Епифана в монастыре, не спугнуть его. Батюшку он нашёл в своём кабинете. Постучав в дверь и, услышав: “Входите”, – со словами:

– Здравствуйте, – подполковник открыл дверь кабинета.

– Сергей Борисович, – какими судьбами? Батюшка сразу узнал следователя. Тревожно улыбаясь, он встал из-за стола и пошёл навстречу неожиданному гостю. Они обменялись рукопожатиями.

– Проходите к столу. Чего мы у двери топчемся, – приглашая гостя, батюшка и сам прошёл к столу и сел на своё место.

Подполковник, взяв стул сел за стол по ближе к батюшке. Тот вопросительно смотрел на гостя, но первым начать разговор не решался.

– Я вот по какому делу, – Герасимов внимательно посмотрел на священника. – В ваших краях произошло убийство, с особой жестокостью.

У батюшки сердце ушло в пятки. Первая мысль, которая

мелькнула в голове:” Неужели кто-то из монахов”, – то что Епифан был в розыске, вылетело у него из головы.

– Я здесь неофициально, потому прошу быть со мной откровенным, – продолжил следователь. – Если у тебя какие-нибудь подозрения, что-нибудь беспокоит в поведении твоих подопечных?

У батюшки отлегло от сердца, как только он понял, что у подполковника лишь догадки и ничего точно не известно. Успокоившись он сразу же, как всякий любящий отец, встал на защиту монахов.

– Нет, ничего такого я не замечал. Вы знаете, мы собираемся взять шефство над детским домом, что у вас в городе. Это решение монахов. Они с таким энтузиазмом приводят наше небольшое хозяйство в порядок. Всё чистят, красят, – с горящими от радости глазами батюшка стал рассказывать подполковнику о жизни монахов.

В его голосе было столько гордости, столько неподдельной веры в чистоту помыслов своих подопечных, что подполковник искренне порадовался за людей, которым посчастливилось встретиться с таким мудрым, великодушным наставником.

– Я рад, что у вас в монастыре всё хорошо. Ещё один вопрос, батюшка. Скажи пожалуйста, был ли у Епифана друг в монастыре. В прошлый мой приезд сами монахи сказали, что нет.

– Не пойму почему они солгали. У Епифана был друг, у

нас здесь. Это Смурых Саша.

– Вот как? Почему сам друг не сказал правду, я помню лично со всеми разговаривал.

– Вы знаете, все монахи имеют тяжёлое прошлое, порой и криминальное. Наверное, испугались, что на них всё повесят, не станут даже разбираться.

– Как ты думаешь, не встречаются ли они? Я имею ввиду Смурых и Епифана.

– Нет, что вы, – батюшка торопливо перебил подполковника. – Все монахи работают, им некогда. Мы ведь ещё и предпринимательской деятельностью занимаемся. Сами себя, так сказать, содержим.

– А что у монахов нет свободного времени?

– Конечно есть.

– Выходят они за пределы монастыря?

– Нет. Праздное шатание не приветствуется. За это конечно же никто никого не наказывает, но у них всё расписано по минутам. Большую часть дня мы работаем. Каждый занимается делом по душе. Кто плотничает, кто огородом занимается, ну и так далее. Два раза в день мы молимся, по вечерам читаем, беседуем. Так что все на виду и им это нравится.

– Всё-таки дружба – это святое. Я прошу тебя поговорить с этим Смурых, кажется так была фамилия друга Епифана.

– Да, конечно. Хотя у нас в монастыре ни об Епифане, ни об Алексее не принято говорить плохо. Мы частенько поминваем их в наших молитвах. Но я поговорю с ним обязательно.

но. Будьте уверены.

– Ну, хорошо. Значит ты утверждаешь, что все монахи на виду и ничего подозрительного в их поведении ты не заметил. Так?

– Да.

– И к вам никто не приходил?

– Нет. Вы знаете, в последнее время чужой к нам никто не заглядывал.

– Можно мне фотографию Смурых Саши?

– Да, конечно, – батюшка поспешно встал и достал из шкафа личное дело. – Вот пожалуйста. Только она приклеена.

– Ничего страшного. Я её на телефон сфотографирую.

Сделав всё как надо, следовательно стал прощаться.

– До свидания. За Сашей ты пожалуйста сам пригляди.

Если что, сразу же дай знать. Если будет отпрашиваться выйти из монастыря – не препятствуй, но мне сразу же позвони. И ещё, пусть наш разговор останется между нами. Ни надо ничего рассказывать монахам, а если кто поинтересуется, скажи, паспортная проверка, – подполковник поднялся со своего места.

Попрощавшись он вышел из кабинета.

По приезде в отдел, подполковник сразу же собрал своих подчинённых.

– Я был в монастыре, батюшка горой стоит за своих монахов. Клянётся, что все они на виду и никуда не отлучаются. Но открылось одно обстоятельство. У Епифана в монастыре

был друг. Его зовут Смурых Саша. Вот фотография, – подполковник передал телефон сотрудникам. – Фотографию отсканируйте и разошлите полицейским, в округе монастыря. Пусть имеют ввиду, если парень появится за пределами монастыря, то пусть незаметно выслеживают. Объясните, нам важно не его задержание, а то, с кем и где он встречается.

Глава 24

Расследование убийства девушки длилось уже три недели, но никаких сдвигов в поимке преступника не наблюдалось. Влад и Анатолий из поездок по деревням тоже вернулись ни с чем. Убийца был крайне осторожен.

Сегодня оперативка началась как обычно ровно в девять.

– Ну что, товарищи, – не успел подполковник договорить как зазвонил телефон.

– Герасимов на проводе. Что!?! Выезжаем!

– Убийство!?! – следователи Влад и Анатолий спросили почти одновременно.

– Да! В пятидесяти километрах севернее от нас. Тот же самый автограф – топором по грудной клетке. Вот ублюдок. Едем.

С утра батюшка Леонид поехал в мэрию города Благое. Больше месяца он готовил документы для предоставления их монастырю возможности курировать городской детский дом. Осталось получить разрешение на посещения монастыря, детьми. За этим как раз сегодня и приехал батюшка. Мэр города задерживался и, дожидаясь его, настоятель листал свежую местную газету. Его внимание привлекла уголовная хроника, в которой сообщалось о маньяке, зверски убивающем молодых девушек. Полиции не удалось выйти на след маньяка, и она обращалась за помощью к местным жителям,

с просьбой сообщать о любых подозрительных личностях. "И подполковник Герасимов приезжал, интересовался монахами", – батюшка, вспомнил этот случай и записал номера телефонов, по которым можно было звонить и сообщать информацию. Сердце батюшки тревожно билось. "Неужели кто-то из монахов всё же причастен. Я ведь Герасимову в обратном клялся", – настоятель сидел и в памяти инспектировал жизнь своих подопечных. Всеми он был доволен, за исключением Смурых Саши, который последний месяц стал просто невыносим. Он взрывался по поводу каждой мелочи и достаточно сильно отягощал жизнь в монастыре. Как и обещал следователю, он поговорил с Сашей, но тот был словно глухой, слова отскакивали от него как горох от стены. Волнение в груди батюшки возрастало и в конце концов он встал и ушёл, решив понаблюдать за Сашей прежде, чем встречаться с мэром.

Глава25

Вечером собрались в читальном зале на совместное чтение. Батюшка Леонид оглядел присутствующих, высматривая Смурых Сашу, но его не было. Он никогда раньше не интересовался сколько человек ходит на чтения, ибо считал, это сугубо личным делом, но сегодня впервые, обратив внимание, заметил отсутствие одного из монахов, а именно Саши.

– С Сашей всё в порядке? – спросил батюшка.

– А кто его знает, попробуй поинтересуйся, себе дороже выйдет. Убьёт! – ответил один из монахов.

От внимания настоятеля не ускользнул злой тон в интонации говорящего, потому, не отягощая ситуацию, он добродушно закончил.

– Хорошо, будем надеяться, что Саша устал и решил пораньше лечь спать.

В зале послышался раздражённое хмыканье.

– Братья мои, не будем терять времени, начнём. Произведение, – батюшка слегка приподнял книгу, – которое нам предстоит прочесть, написано талантливым писателем Николаем Васильевичем Гоголем и называется "Мёртвые души". Надеюсь, оно вам понравится.

Чтение заняло часа два, затем все пошли спать. Сегодняшней ночью батюшка не находил себе места, не выдер-

жав он встал и вышел во двор. Пойти в спальню и проверить спит ли Саша он не мог, боясь вызвать у монахов ничем не подкреплённое подозрение. Батюшка остался ждать, надеясь, что кто-то из монахов выйдет по нужде и он сможет спросить о Смурых. Простояв около часу и никого не дождавшись, батюшка вернулся к себе и оставшуюся ночь провёл в раздумьях. Его не покидала мысль, что все эти убийства творит сбежавший Епифан, которого так и не поймали, а Смурых, будучи его другом либо просто навещает того, либо является даже его сообщником. "Как проверить, не вызывая подозрений, что же придумать", – батюшка не находил себе места.

На утреннюю молитву Смурых не пришёл, не было его и на завтраке. В одиннадцать часов утра, заглянув в столовую, батюшка увидел за столом Сашу.

– Саша, что случилось? – встревожено спросил настоятель, – Тебя не было на утренней молитве, заболел что ли?

– Да!.. С трудом встал. Всю ночь температурил.

– А что у тебя с рукой?

– Порезался.

Повар, услышавший разговор батюшки вышел из кухни.

– Ночью порезался? – спросил повар. – У тебя вечером всё было в порядке.

– Тебе какое дело, иди жрать вари, помоями ребят кормишь, есть невозможно, – и Смурых грубо отодвинул от себя тарелку.

– Ты чего несёшь? Какие помои! – стал защищаться повар. Назревал конфликт.

– Братья мои, успокойтесь. Саша, если ты болен, пройди в медсанчасть. Я могу проводить тебя.

– Без провожатых обойдусь, – и Саша вышел из столовой. Не в медсанчасти, не на рабочем месте Саша сегодня так и не появился.

А батюшка тем временем поехал в городскую библиотеку.

– Мне пожалуйста подписку газеты "Факел" за последний год, – обратился он к библиотекарше.

Через некоторое время стопка газет уже лежала на его столике в читальном зале, и батюшка лихорадочно разыскивал сообщения о погибших девушках.

"Ага, вот они", – он стал читать и с трудом сдерживал негодование.

"Боже мой, что творит – садист! Неужели – такое возможно. Господи! Вот ещё одно – вчера. Пишут, следов как всегда нет. А ведь вчера, похоже, Саша не ночевал в монастыре и что-то у него с рукой. Почему скрывает, даже в санчасть не пошёл"? – мысли шли потоком, негодование сменилось тревогой. " Неужели Герасимов прав и все эти безобразия творит Епифан или ещё хуже они с Сашей вдвоём. Что же делать"? – батюшка от волнения не мог сидеть.

Переписав на листок все даты совершения преступлений, он вышел на улицу. Морозящий дождь, под каплями которых он остался стоять, немного снял напряжение. "Что же

делать? Может сразу пойти в полицию? Но какие я представлю доказательства. Скажу, что Саша стал нервным, а он скажет: "Батюшка, это уже твой промах. Плохо значит живётся монаху оттого и нервничает". И то верно, доказательств у меня нет. Лучше я сначала ещё раз поговорю с Сашей. Не должен он к старому вернуться. Ведь если он не виноват, то обвинения сокрушат его душу, нанесут непоправимый вред, не каждый сможет оправиться после этого, а нам с ним жить. Как я ему в глаза смотреть буду", – успокоенный найденным решением батюшка вернулся в монастырь.

Эту ночь он тоже провёл почти без сна. Анализируя даты убийств, батюшка пришёл к выводу, что все они совершаются через строго повторяемые промежутки времени, а именно через каждый месяц.

"Ещё есть время, завтра же поговорю с Сашей. Дьявол его опутал, моя обязанность помочь ему выбраться из его сетей. Надо подумать, как начать разговор, что сказать", – но усталые глаза уже сами закрылись и батюшка уснул, сидя за столом.

Вечером следующего дня настоятель пригласил к себе в кабинет Смурых Сашу.

– Садись Саша.

Подождав, когда тот сядет, батюшка вновь заговорил.

– Как дела?

– Нормально, – монах был немногословен.

– Я позвал тебя Саша, чтобы выяснить один вопрос. Про-

что пожалуйста, – батюшка протянул газету, взятую в мэрии, где красным карандашом было обведено сообщение об убийстве. Несколько минут Саша читал. Батюшка молча смотрел на него, ни один мускул не дрогнул на его лице. Прочитав, Смурых, молча вернул газету.

– Сразу хочу уверить тебя, – начал батюшка, что я ни в коем случае не думаю ни о ком плохо, но тот случай, который произошёл у нас в монастыре, с Алексеем, заставляет меня спросить не знаешь ли ты, Епифан имеет отношение к этим убийствам?

Всё это время раздражение, которое просматривалось на лице Саши вмиг исчезло, когда он услышал имя Епифан.

– Конечно же имеет. Это точно он.

Батюшка изумился, как спокойно, без тени сомнения, даже с какой-то радостью, Смурых обвинил друга в столь страшных преступлениях.

– Ты думаешь действительно это он? Он же твой друг и спас тебе жизнь, что ж ты не заступаешься за него?

– А кому ещё быть, – пренебрежительно бросил Саша.

– Ну, не знаю. Может кто другой. При последнем убийстве преступник поранился, – батюшка смотрел на перевязанную руку Смурых. – Теперь у полиции есть данные его крови, по которой можно проверить.

Священник не успел договорить, как Смурых взорвался. Он вскочил со своего места и стал нервно ходить по кабинету.

– Что с тобой Саша?

– Чего вы мою руку разглядываете?! – в его тоне была открытая грубость. – Думаете это я? Как бы вы были рады этому, – и он зло посмотрел на батюшку.

Тот даже передёрнулся столь жестоким был взгляд Саши, и он с ужасом осознал, что тот может убить его.

– Ты что говоришь? – батюшка старался не показать своего страха.

Монах грубо перебил настоятеля.

– Как вы мне все надоели со своими нравоучениями. Я вас всех ненавижу! Смурых, хотел ещё что-то сказать, но услышав голоса приближающихся людей, замолк.

– Извини Саша, если я ненароком тебя обидел. Я вовсе не хотел этого делать, просто я обеспокоен судьбой Епифана. Вы с тех пор не виделись?

– Нет!

– Ещё раз извини, ты можешь идти.

Смурых не попрощавшись, сильно хлопнув дверью, выскочил из кабинета. В дверях он столкнулся с казначеем – монахом Сидором. Грубо толкнув его, он выбежал во двор.

Разговор с Сашей оставил в душе батюшки неприятный осадок.

Ночью, готовясь ко сну, он вспомнил их встречу и вновь попытался найти объяснение произошедшему.

“Мне казалось, что Саше хорошо в монастыре. Откуда такая неприязнь ко всем. Монахи к нему хорошо относятся, да

и я всегда поддерживал. А вдруг он нарочно так себя повёл, чтобы я на него не думал. Обиделся, психанул, а мне вроде как должно быть стыдно, что без доказательств обвиняю. Но я не обвинял! Тут что-то другое, он как порох вмиг загорается. Надо бы понаблюдать за ним и при случае, ещё раз поговорить, что-то его мучает".

Глава 26

– Папочка, миленький. Ты у меня самый добрый, самый красивый. Ну, в общем самый лучший на свете. Я тебя так люблю, а ты меня хоть немного любишь? – дочь профессора Фёдора Николаевича всячески ластилась к отцу. Она знала, что отец обожает её, потому пустила в ход все свои чары.

– Что ты говоришь, родная, конечно же люблю. А сейчас дорогая, я читаю. Не мешай, – и учёный отцепил руки дочери, которая обнимала его за шею.

– Вот видишь, не любишь. Даже минутку не можешь мне уделить, – дочь обиженно поджала губы.

– Что такое? Ты что-то хотела спросить у меня, – обратив лицо к дочери, отец послушно опустил на колени газету.

– Да папочка, хотела отпроситься. Можно я поеду на дачу?

– Одной нельзя. Завтра все вместе поедем.

– Ну папочка, мне сегодня надо. Светка звонила она с родителями уже там. Мы с ней вдвоём переночуем. Пап, ну пожалуйста.

Фёдор Николаевич повернул лицо к жене.

– Мама разрешила?

– Да!

– Пусть Федя едет. Семнадцать лет уже, должна быть голова на плечах.

– Ладно Ленусь, как только приедешь, позвони.

– Спасибо папочка, – молодая девушка нежно поцеловала отца в щёку.

Лена радостная побежала собираться. Дача профессора нейрофизиологии Фёдора Николаевича была в ста пятидесяти километрах от Москвы. На электричке два часа, а дальше по прямой просёлочной дороге ещё надо километра два пешком идти, через деревню "Задворки". Обычно, девушка на дачу ездила с родителями на машине. За час с небольшим добирались, но бывали случаи, правда изредка, когда Лена ездила вместе с подругой Светой, родители которой имели дачу в их же дачном посёлке. Но чтобы совсем одной – это для Лены было впервые. Два дня назад прошёл последний школьный звонок. Лена и Света окончили одиннадцать классов и им не терпелось быстрее встретиться и всё обсудить: и предстоящий выпускной бал, и фасоны платьев, которые они собирались шить на бал, и многое другое. Девчонки планировали провести этот вечер вдвоём, Света собиралась прийти к Лене на дачу с ночёвкой, чтобы поболтать, посеCRETничать.

Купив билет и войдя в электричку Лена села на свободное место. Народу в электричке было не то чтобы битком, но достаточно много. Свободных мест – мало. Электричка дёрнулась и сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее стала набирать ход. Собираясь впопыхах, Лена забыла взять с собой книгу, потому сейчас она сидела и незаметно разгля-

дывала пассажиров. Электричка ехала долго, останавливаясь на каждой остановке. Дачников становилось всё больше и больше. Не сразу, но девушка заметила, что её разглядывает молодой, симпатичный мужчина. Одет он был в синюю рубашку под цвет своих васильковых глаз. Первые пуговицы рубашки были расстегнуты и виднелась красивая, загорелая шея. Молодой человек был аккуратно подстрижен, на лице – двухдневная щетина, что придавало его лицу брутальность. Когда их взгляды встретились, мужчина приятно улыбнулся. Лена покраснела от смелого, восхищённого взгляда молодого человека и старалась больше не смотреть в его сторону, но глаза не слушались её и из раза в раз, не контролируя себе, она всё же бросала на мужчину мимолётные взгляды и всякий раз их глаза встречались. Сердце девушки учащённо билось от мысли, что она понравилась. К месту назначения приехали половина восьмого вечера. Лена вышла и пошла по дороге в сторону дачного посёлка. Её одолевало любопытство, сошёл ли тот молодой человек или нет. Не удержавшись, делая вид, что поднимает обронённый сотовый телефон, Лена слегка обернулась и какова же была её радость, когда она увидела, что молодой человек идёт следом.

– Девушка! – мужчина прибавил ход и догнал её. – Здравствуйте, – он был сама галантность. – Если вы в дачный посёлок, то нам по пути. Я тоже туда иду, к другу. У него сегодня день рождения, пригласил в баньке искупаться. Можно с вами рядом пойти?

– Да, пожалуйста, – щёки девушки покрылись румянцем. – Дорога общая.

– Ну спасибо. А не хотите со мной к другу, на день рождения? Там будет весёлая компания. Мы с ним в одном институте учимся, в медицинском. В этом году заканчиваем.

– Нет, нет, спасибо.

– Родители не пустят?

– Да нет, они только завтра приедут. Я сама не любительница компаний, мне бы с книжкой посидеть.

– Я, честно говоря, тоже не любитель, шесть лет вместе учимся, а к нему впервые, хотя всегда приглашает. Меня зовут Сергей, а вас?

– Лена.

Молодые люди всю дорогу до дачного посёлка разговаривали. Больше говорил Сергей. С каждой минутой он Лене нравился всё больше и больше. Когда он во время разговора мельком смотрел на девушку, её сердце замирало, столь обворожительным и магнетизирующим был его взгляд. Так за разговорами и подошли к дому Лены.

– Вот я и пришла. Заболталась я с вами, что даже забыла позвонить родителям, – Лена быстро набрала телефон папы.

– Папочка я уже дома. Не переживайте. Целую, – Лена закрыла крышку сотового.

Тут она увидела соседа, он вместе со старшим сыном ремонтировали забор.

– Дядя Коля, здравствуйте, – девушка приветливо улыб-

нулась.

– Приехала Леночка, а родители, когда будут?

– Завтра.

– Ну, ладно отдыхай, – и сосед продолжил своё дело.

– Хорошая вы дочь, многие девчонки вашего возраста, родителей вообще не признают. Голова раскалывается, где-то у меня лекарство, – молодой человек полез в карман рюкзака и достал пачку анальгина.

– Лена, вы уж меня извините можно стаканчик водички, лекарство запить.

– Да, конечно. Пойдёмте.

Девушка открыла ключом калитку, а затем вместе с Сергеем они прошли к входной двери дома. Лена немного замялась, не решаясь приглашать мужчину в дом. Тот, похоже, сообразил причину замешательства девушки, потому быстро добавил.

– Я вас здесь подожду, – давая понять, что в дом он не зайдёт.

Лену удовлетворил подобный ответ, и она, спокойно открыв входную дверь, вошла в дом. Она постеснялась плотно закрыть дверь и оставила её чуть приоткрытой. Было слышно, как она разулась в прихожей, поставив рюкзак на пол, и прошла на кухню. Когда она вышла из кухни со стаканом в руке, то первое кого она увидела, был Сергей. Он стоял в прихожей, повернувшись к ней спиной и закрывал на ключ входную дверь. Леденящий душу страх сжал её всю и Лена

растерянно замерла на месте. Мужчина услышал, что Лена вернулась, но поворачиваться лицом к девушке не спешил. Всё так же стоя к Лене спиной, он опустил с плеча рюкзак и раскрыл его. Затем достав из кармана перчатки стал одевать их на руки. Тут девушка пришла в себя и бросилась в комнату к окну. Она, дрожа от страха, открыла его и, схватившись руками за раму стала кричать и звать на помощь. Девушка пыталась взобраться на подоконник, но, подошедший сзади Сергей грубо отшвырнул её в глубь комнаты.

– Зачем же так шуметь, – произнёс он, но девушка не узнала его голоса, это был лишённый всякой интонации мёртвый звук, заставляющий содрогнуться. – Иди сюда, – приказал он.

Рыдая и дрожа от страха, Лена, опираясь на руки, слегка приподнявшись с полу, стала умолять мужчину отпустить её. Она словно обращалась к новому человеку, ибо Сергея словно подменили. Перед ней стоял мрачный, со звериным оскалом на лице, сутулый мужчина, в руках которого был топор и чем больше она умоляла, тем ожесточённее становился его взгляд. Мужчина сам подошёл к девушке, которая была в полуобморочном состоянии и, схватив за волосы поволок к дивану.

– Пап, ты слышал, похоже, кто-то кричал, на помощь звал, – сын соседа, Виктор обратился к отцу.

– Откуда?

– Из дома Смирновых, может показалось, хотя дочь с кем-

то приехала.

– Да, Лена приехала! Я недавно с ней разговаривал, с ней ещё какой-то мужчина был, правда, я его не разглядел. Пойдём -ка.

Сосед с сыном быстрым шагом, открыв калитку, подошли к дому.

– Откройте! – сосед Коля, крича, стучал в дверь. – Лена открой, – но никто не отвечал.

– Что-то неладное. Я её сам видел, как несколько минут назад, она вошла. Ты точно слышал крики о помощи?

– Пап, говорю тебе, женский голос кричал.

Сосед, вместе с сыном, стал барабанить в дверь, требуя открыть дверь, утверждая, что полиция уже едет.

– Сучка, – молодой человек опустил топор и грязно выругался.

– Ещё встретимся, – схватив рюкзак, он бросился к окну и выпрыгнул.

– Витя, бегом принеси ключи, они на веранде висят, увидишь!

Когда открыв дверь, мужчины вошли в комнату, то нашли лежащую на полу, в разодранном платье неменяемую соседку Лену.

– Леночка, – дядя Коля бросился к девушке.

Он наклонился к ней и стал успокаивать.

– Всё милая, всё. Это я дядя Коля.

– Чёрт в окно выпрыгнул, – сын выглянул в раскрытое ок-

но, но там уже никого не было.

Приехавшая полиция не смогла добиться от Лены ни одного слова. Девушка была на грани помешательства. Врач скорой помощи сделал успокоительный укол, но увозить в больницу не стал, так как родители Лены уже были в пути и обещали сами позаботиться о дочери. Сосед дядя Коля остался с Леной дожидаться родителей.

Глава 27

Лену положили в московскую психиатрическую больницу. Мама была всё время рядом с дочерью, не отходя от неё ни на минуту, и практически поселилась в больнице.

К лечению Лены были подключены самые именитые психиатры столицы, но выздоровление девушки затягивалось.

Фёдор Николаевич оставался на работе допоздна, возвращаться в пустую квартиру было тяжело. Дочь очень медленно шла на поправку, жена не разговаривала с ним. Она вообще очень изменилась после случившегося. Постарела, с ним была раздражительна, если не сказать, открыто груба.

В один из вечеров, придя домой, Фёдор Николаевич застал жену, собирающую вещи.

– Ира, ты что делаешь? Что-то с Леночкой?

– С Леной как всегда... Я уйду от тебя, – в интонации была нескрываемая ненависть.

– Ты что говоришь?

– Да, да! Уйду! Мне страшно! Ты что так и ничего не понял?

– Что я должен понять, успокойся. Всё будет хорошо. Леночка поправится, и мы заживём по-прежнему, – Фёдор Николаевич пытался обнять жену.

– Не тронь меня, – жена передёрнулась от злобы. – Ты так ничего и не понял..., по твоей вине произошло несча-

стье с Леночкой! По твоей вине, слышишь?! Ты, виноват! Ты! Ты!!.. Убил монаха и тебя даже совесть не мучает! – жена кричала, рыдая. С ней началась истерика.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу!!

– Ирочка успокойся, – Фёдор Николаевич пытался приблизиться к жене, но она с криками, переходящими в визг кричала, чтобы он даже не дотрагивался до неё.

– Дорогая, успокойся! Я понимаю твоё состояние, но надо крепиться, мы нужны Леночке сильные духом.

– Не подходи ко мне! Убийца!

– Да что ты, заладила убийца, убийца! Никого не убивал! Я занимаюсь наукой! Что поделаешь, порой для получения результата приходится жертвовать одной, двумя жизнями, чтобы потом спасти тысячи. Тысячи! Понимаешь?!

– Так не бывает, Федя – это неправильно! Ты вынес приговор человеку, не имея на то права! И ты ещё надеялся, что это сойдёт тебе с рук! Ведь он чей-то сын! Теперь ты понял, каково это родителям? А этот случай с чипами. Ты ведь знал, что вживлённые чипы разрушают мозг, но ты скрыл этот факт. Скрыл и ради чего? Ради славы, денег.

– Откуда ты узнала про чипы?

– Я случайно услышала твой разговор с директором.

Жена, наполнив сумку необходимыми вещами, закрыла замок.

– Уходишь к Лёньке, да? К своему святому Лёньке. Ну и катись, я знал, что ты его не забыла., да и он тебя помнит,

даже не женился. Какая романтика!

– Дурак ты Федя, – жена, взяв сумку, пошла к выходу.

Прежде, чем открыть дверь, она, оглянувшись, бросила.

– Я уйду, потому что не могу жить с таким человеком, которым ты стал. Ты изменился, и я тебя боюсь! Прощай!

Фёдор Николаевич остался в пустой квартире. Уход жены ошарашил его, чего– чего, но этого он не ожидал. Бродя из угла в угол, он не находил себе место. Некоторое время он был зол на жену. "Хорошо устроилась, меня стала обвинять, чтобы оправдать своё влечение к Лёньке. Он тоже хорош, друг называется! Отомстить решил. Сначала я у него, теперь он у меня. ... Когда успели... Выходит все эти годы она меня обманывала. Всё о своём Лёничке думала, ждала подходящего момента. Все женщины такие ", – как не пытался Фёдор Николаевич ругать жену и друга, облегчение не наступало. Мысли о Лёне упорно переходили к словам жены, обвинявшей его в убийстве. Перед глазами стали мелькать картины событий последнего года; Алексей весь в крови, грустные глаза друга Лёни, отключение монахов от аппаратуры. Фёдор Николаевич, как умалишённый бродил по комнатам, повторяя: "Возмездие, возмездие! Как я мог?! ... Боже мой, неужели во всём этом повинен я?! Как я мог?! Безумец! Доченька прости! ... Прости .... "!

Глава 28

В кабинет подполковника Герасимова постучали.

– Да, да войдите.

– Здравствуйте, – в кабинет вошёл весь седой, сутулившийся мужчина. Потухший взгляд, осунувшееся лицо, на вид ему можно было дать шестьдесят и более лет.

– Здравствуйте, проходите. Вы по какому-то делу?

– Я по поводу случая ... на даче.

– Вы – сосед?

– Я – отец.

Подполковник опешил. Он видел этого человека в тот день, когда приехал по вызову, меньше месяца назад, тогда тот ещё не был седым и столь старым. «Боже мой, что горе сделало с человеком», – подумал подполковник.

– Я хотел бы узнать, как идёт расследование? Говорят, что это маньяк и что он давно орудует в этих краях... По словам дочери он собирался её изнасиловать, а потом зарубить... топором.

– Да, это дело его рук. Эти дела у нас на особом контроле. Делаем всё возможное. Свидетель – ваш сосед, не смог составить фоторобот. Скользкий, говорит был выродок. Всё время за вашу дочь как бы прятался. Показывали ему фотографию человека, которого мы подозреваем, но он его тоже не опознал. Так что прорабатываем новую версию.

– Моя дочь подверглась зверскому нападению и не приди на помощь сосед... с ней случилось бы непоправимое. Я живу мыслью поймать ...эту мразь.

– Я вас понимаю. Все убийства, а их было два, совершил один и тот же зверь, человеком его назвать язык не поворачивается. Ваша дочь ...стала третьей жертвой этого ублюдка.

– Почему вы решили, что это один и тот же человек?

– Он оставляет свой "автограф" на жертвах, а именно – разрубает топором грудную клетку. Он у нас числится по кличке "медик". С вашей дочерью он, скорее всего собирался сделать тоже самое, это помимо того, что он наносит множество ножевых ударов.

Отец девушки стал смертельно бледным, что не осталось незамеченным следователем.

– Вам плохо?

– Я знаю кто этот маньяк, – гость проигнорировал вопрос и

прошептал еле слышно. – Его зовут Епифан.

– Что? – подполковник не смог сдержать удивление. – Откуда?

– Меня зовут Фёдор Николаевич, – профессор стал, не торопясь рассказывать. – Я по профессии нейрофизиолог. Больше семи месяцев назад мы, то есть я, проводил эксперимент в вашем мужском монастыре.

– Тот, который в селе Серпухово? Помню, как же не помнить. Монастырь чудом не закрыли, там у них монахи по-

вздорили и одного даже убили. К нашему стыду, это дело так и нераскрытым осталось. Подозреваемый Епифан как вводу канул.

Учёный словно не слышал подполковника и продолжал рассказывать.

– Троице монахам из монастыря, мы, тайно в московском институте мозга без их согласия вживили в мозг специальные датчики.

Подполковник слушал не перебивая.

– Эти датчики фиксировали мысли человека и передавали их на специальную аппаратуру в нашем институте. Нас интересовали не просто мысли, как таковые, а преступные мысли. Научиться узнавать заранее о готовящемся преступлении и, предотвращать его – это было целью эксперимента.

– Но ведь не у каждого рождаются подобные мысли?

– Верно. Поэтому мы выбрали людей не особо благополучных, которые в принципе могли бы совершить преступление. Но у нас не было времени ждать, когда в процессе жизни подобные мысли у наших подопечных возникнут. Эксперимент в любой момент мог сорваться, нужно было торопиться. Тогда мы решили искусственно спровоцировать агрессию и стали демонстрироваться монахам жестокие фильмы. Двое из них смотрели садистские фильмы.

– Я догадываюсь, кто эти двое, – вставил подполковник. – Один из них убийца Епифан, верно?

– Да.

– Но почему вы решили, что маньяк – это он?

– Потому что герой фильмов, которые он смотрел, остав-
лял "автограф" – рассечение топором грудной клетки жерт-
вы... И ещё. ... Это неоспоримый факт! У всех монахов,
участвующих в эксперименте повреждены лобные доли, ко-
торые ответственны за мораль, за жалость. У Епифана, по-
добная аномалия отчётливо выражена, таким людям не зна-
комо милосердие.

– Вы, до того, как подсадить датчик Епифану, знали об
этом?

Учёный тяжело вздохнул.

– Да.

– Почему же?

– Получить неопровержимое подтверждение идей, кото-
рым ты отдал столько лет кропотливой работы – заманчивая
перспектива для учёного. ... Я чуть было не заплатил жизнью
дочери за свой успех.

– Мог кто-то видеть эти фильмы в другом месте?

– Нет! Эти фильмы мне прислали из Германии, там они
запрещены. Кроме как у меня, в другом месте посмотреть их
невозможно.

– Зверски убиты две девушки и маньяк ещё на свободе....

– Не надо меня стыдить, – учёный грустно посмотрел на
следователя. – Больше чем наказал меня Бог, уже никто не
накажет. Я пришёл, чтобы помочь вам поймать его.

В глазах учёного заблестели слёзы, сдерживая себя, он ти-

хонько спросил.

– Расскажите о погибших девушках.

Подполковник Герасимов и Фёдор Николаевич беседовали часа четыре. Было выпито по пять чашек крепкого кофе.

– Итак резюмируем ваши догадки, – сказал учёный. – Первое, маньяк не появляется в одном и том же месте, и даже городе, районе. Он двигается вперёд по пятьдесят километров. Второе, предпочтение отдаёт середине неделе, то есть четвергу. Третье, всегда имеет при себе топор. Всё! Я правильно вас понял?

– Его жертвами становятся молодые девушки, – добавил следователь. – И ещё, на всех местах преступлений, на отпечатках подошв его обуви, обнаружены частички мха, который произрастает лишь в девственных лесах, но эти частички старые. Напрашивается вывод, что в этом лесу убийца не появляется.

– Я вас не понимаю. Думаете, переобувается перед преступлением?

– Да. Он делает это специально, чтобы мы искали его в лесу. Это отвлекающий манёвр. Честно говоря, мы давно на Епифана думаем. Монаха в монастыре и этих девушек убил один и тот же человек. Характеристики удара ножом одинаковые.

– Вот видите! И вы к этому пришли.

– Есть одно, но, против Епифана. Ваш сосед – свидетель, категорически опроверг версию с Епифаном. Он утвержда-

ет, что тот мужчина, который был с вашей дочерью, значительно меньше ростом Епифана. Либо с вашей дочерью был другой, либо убийца не Епифан.

– Если он не убивал, чего тогда прячется? – высказал предположение учёный.

– Верное замечание. Мы тоже на эту тему рассуждали. Если не он тогда кто? Вы уверены, что фильм смотрели лишь два человека?

– Абсолютно уверен.

– И потом, убийства происходят на достаточно больших расстояниях друг от друга. Как Епифан добирается до места незамеченным? Где-нибудь его всё равно заметили бы, если добирается на попутках. Всем полицейским в округе розданы его фотографии, – подполковник вопрошающе посмотрел на учёного.

– Да, это вопрос?

– Фёдор Николаевич, подполковник посмотрел на часы, – уже восемь часов вечера, пора по домам. Утро – вечера мудренее.

– Можно я у вас здесь переночую, вот прямо и на кушеточку лягу. Не могу я у себя дома... жена с дочерью в больнице.

– Если вы не против, то можете пока пожить у меня. Я – холостяк, кроме домработницы, в моей квартире никто не появляется.

– Весьма вам признателен, – учёный едва улыбнулся.

– Если вы согласны, тогда едем, – подполковник поднялся

со своего места.

По дороге купили кое-что из еды.

Гостю следователь постелил в комнате на диване, сам лёг на кровати в спальне. Почти до самого утра Фёдор Николаевич беседовал со своим ассистентом Славой. Подполковник хотел уговорить было учёного лечь спать, но подойдя к комнате и услышав о чём тот говорит с ассистентом, решил оставить всё как есть. “Похоже собирает дополнительную информацию о Елифане. Это нам помогло бы”, – подумал следователь и пошёл спать. Лишь под утро, профессор стих и уснул. Утром подполковник не стал будить гостя, умывшись, выпив чашечку кофе, пошёл на работу.

Глава 29

Только закончилась планёрка и сотрудники ещё не успели разойтись, как в кабинет подполковника влетел Фёдор Николаевич.

– Он разъезжает на старой белой машине марки "Газель».

– Почему вы так решили?

– Мой ассистент нашёл распечатку разговора Алексея с каким-то монахом. Оказывается, он до монастыря шоферил. Этим и жил. Перед тем как уйти в монастырь, машину в лесу спрятал.

– Вы можете говорить точнее. Кто такой Алексей?

– Алексей, – учёный, поздоровавшись с присутствующими сотрудниками и садясь на свободный стул, продолжил. – Это монах из монастыря, которого убил подозреваемый Епифан. Пока понятно.

Подполковник кивнул.

– Они, Алексей и Епифан дружили, не так чтобы не разлей вода, но весьма дружно общались. Так вот, вполне вероятно, что Алексей рассказал и Епифану, где спрятал машину. И потом, Алексей человек северный, он – таёжный охотник, наверняка помимо машины у него было какое-то жильё в лесу. Землянка, к примеру.

– Почему так решили? – вновь спросил подполковник.

– Потому, что батюшка Леонид – настоятель монастыря,

всё сетовал, что такому работающему мужику, как Алексей и не нашлась женщина. Выходит, что у местных в деревне он точно не жил.

– Если следовать вашей логике, – начал подполковник, – то получается Епифан повздорив убивает Алексея и, прячась от нас, обитает в землянке в лесу. Так?

– Да.

– Это всё вероятно, но объясните, почему он решает убивать женщин? Прятался бы себе и жил спокойно.

– Понимаете, в чём дело. Мозг, имеющий серьёзные патологии работает по – особенному. Мы сканировали мозг монахов и практически у всех серьёзные патологии. Из-за патологий активизируются определённые центры, которые начинают работать и выдавать импульсы, раздражающие человека и как следствие, толкающие его к конфликтам. Самое страшное, эти импульсы не гасятся, пока не произойдёт разрядка и человек не успокоится. Разрядка должна быть мощной, это как правило убийство, причинным или нет, такому человеку всё равно. Существуют медицинские препараты, блокирующие эти центры, или как считает батюшка Леонид, таким лекарством может служить доброе слово, терпимость, понимание, религия всё то, что он, надо сказать, успешно практиковал в своём монастыре. Эксперимент, который проводили мы и в котором участвовал Епифан, активизировал те самые центры. И ещё... – учёный сделал паузу, казалось он колеблется, но что-то взяло вверх, и он про-

должил. – Несколько месяцев спустя мы узнали, что датчики стали наносить изнутри вред своим подопечным. У них появились серьёзные необратимые изменения в мозгу – новые патологии.

– Вы говорите узнали об этом? Почему вы не вмешались и не вытащили датчики, не стали лечить монахов. Или хотя бы сообщили нам, и мы бы взяли их на заметку.

– Струсили! Мы до этого растрезвонили о своём прорыве, а тут такое.

– Собственная слава оказалась дороже жизни людей.

Фёдор Николаевич промолчал.

– Допустим, Епифан помутился разумом и начал убивать женщин. Вы утверждаете, что он разъезжает с места на место на машине Алексея.

– Да! Поэтому, всякий раз, убийство происходит в разных местах и на достаточно больших расстояниях друг от друга. С каким промежутком совершаются убийства?

– С интервалом в месяц.

– Сегодня десятое августа, через день он выйдет из своей берлоги на охоту, – глаза учёного зажглись огнём в предвкушении схватки. – Надо просчитать направление его новой поездки.

Глава 30

Одиннадцатого августа, операция под кодовым названием "Медик" началась. К делу были привлечены более ста полицейских. Переодевшись в штатское, они рассеялись во всех направлениях, в радиусе пятидесяти километров от прошлого места преступления. Останавливались все машины белого цвета марки "Газель". Фотографии Епифана были у всех полицейских. Патрулировались электрички, дороги, любые лесные массивы, но человека похожего на Епифана задержать никак не удавалось. Полицейские сменяли друг друга, и операция продолжалась. Подполковник Герасимов и Фёдор Николаевич остались в отделе на ночь на случай, если удастся задержать преступника.

На следующий день в семь часов утра в кабинете подполковника зазвонил телефон.

– Да! Герасимов слушает.... Что?!... Убийство! Где? В лесопарковой зоне. ...Задержали кого-нибудь? Нет... Сейчас буду. Слышали? – следователь Герасимов посмотрел на учёного.

– Слышал! Такого не может быть! Они его упустили! Как же так? – Фёдор Николаевич был вне себя от злости. – Допрашивайте всех полицейских, может кто-нибудь заодно с ним?

Подполковник ничего не ответил. Он, тяжело вздохнув,

поднялся со стула и, позвонив сотрудникам, чтобы выезжали на место преступления направился к выходу.

– Я с вами.

Фёдор Николаевич не отставал от следователя. Ему не терпелось посмотреть в глаза тому полицейскому, который пропустил преступника. По дороге подполковник позвонил ответственному за операцию, майору.

– Владимир Семёнович, как такое стало возможным? В три часа дня, ко мне в кабинет, всех дежуривших вчера вечером полицейских. Всех!

Что преступление совершил тот же человек не вызывало никакого сомнения. Как и во всех случаях, он оставил свой автограф. После осмотра места преступления, подполковник вернулся в свой кабинет, где в коридоре его уже ждали полицейские, дежурившие в тот день.

Следователь Герасимов еле сдерживал эмоции. Район ожидаемого преступления был вычислен правильно, значит пропустили.

– Кто-нибудь останавливал вчера машину марки "Газель" белого цвета? – первое, что спросил он собравшихся.

Установилась гробовая тишина. И вдруг несколько секунд спустя, совсем молоденький полицейский произнёс.

– Я останавливал?

– Шаг вперёд! – раздражённо скомандовал подполковник полицейскому.

– У вас что же не было с собой фотографии преступника?

– Была, но за рулём был совсем другой. Маленький, симпатичный мужчина. У него была примета. На левой руке не было трёх пальцев.

– На какой руке? – в волнение переспросил Фёдор Николаевич.

– На левой.

– Машина та, которую ищем?

– Да, один в один.

– У меня есть кое-какие соображения, у вас можно сделать фоторобот? – учёный как-то странно посмотрел на подполковника.

– Да, пройдите в соседнюю комнату. Толик, проводи.

– Вы, пожалуйста, не уходите. Надо будет опознать, – учёный, умоляюще посмотрел на полицейского, который оставался разыскиваемую машину.

Через двадцать минут фоторобот был готов. Фёдор Николаевич с замиранием сердца показал снимок полицейскому. Тот буквально сразу воскликнул.

– Он! Точно он. Рисунок чёрно-белый, а так у него глаза синие.

– Верно, – учёный обернулся к подполковнику. – Это Смурых Александр. У него в монастыре кличка была "беспальный".

– Думаете он в монастыре?

– Если честно, не знаю.

– Так Влад, Анатолий вы с нами. Монастырь окружить,

чтобы муха не вылетела. Ясно? – подполковник обратился к собравшимся полицейским. – Едем.

По дороге обсуждали план действий. Говорил больше учёный, рассказывая о монашеской жизни.

– На сколько я помню, обед у них в два часа дня. Сейчас четыре часа дня и Смурых Саша должен быть в мастерской. Он столярничает, лобзиком что-то там выпиливает.

– Имейте в виду, он при оружии, – подполковник, обернулся к своим сотрудникам.

– Не переживайте шеф.

– С учёным пойдёт Влад, – подполковник давал указания. – Ты Влад в монастыре в прошлый раз не был, значит подозрений не вызовешь. В случае сопротивления стреляй по ногам. Эта сволочь нам живой нужна. Фёдор Николаевич держи себя в руках. Не испорти дело.

– Ну, что вы Сергей Борисович. Я не подведу, – щёки, Фёдора Николаевича горели нервным огнём.

К монастырю подъехали незаметно. Фёдор Николаевич вместе с майором Владом вышли из машины и, войдя во двор монастыря, отправились к мастерским. Во дворе никого не было, каждый был занят своим делом. Уже на подходе к мастерским, их окликнули.

– Товарищи вам кого? – на ступеньках церкви, которая выходила во двор, стоял сам батюшка.

Узнав по голосу друга, Фёдор Николаевич обернулся, но, похоже, тот не узнал его.

– Вам кого? – батюшка вновь повторил вопрос, направляясь прямо к ним.

– Что делать будем? – Фёдор Николаевич, шёпотом обратился к майору.

– Спокойно. Не суетитесь. Говорить буду я. Похоже, вас здесь не узнают.

– Мы хотим заказ сделать, примете? – майор, обернувшись, стал ждать, когда батюшка подойдёт ближе.

На голоса вышли монахи из мастерской среди них был и "беспалый". Увидев Смурых Александра, Фёдор Николаевич задрожал и, заикаясь от волнения, сжав кулаки вдруг бросился к нему.

– Ах, ты сволочь! Да, я те...бя, своими руками за. ду. шу!

Смурых сразу смекнул что пришли за ним. Он схватил стоящего рядом монаха и приставил тому нож к горлу.

– Не подходи! Ещё шаг и я перережу ему горло, – закричал он.

Майор кинулся к учёному и обхватив руками остановил.

Беспалый между тем вместе с мужчиной стал пятиться назад. Фёдор Николаевич пытался вырваться, умоляя майора отпустить его. И тут раздался выстрел, это подполковник, идя незаметно следом выстрелил "беспалому" в ногу.

– Ой, – тот согнувшись от боли упал на землю, монах, к горлу которого был приставлен нож, воспользовавшись ситуаций убежал.

Батюшка Леонид растерянно смотрел на всё происходя-

щее. Лишь, когда на руках "беспалого" закрылись наручники и его посадили в полицейский "Уазик" он спросил.

– Товарищи, вы можете объяснить, что здесь происходит? – обратился он к стрелявшему подполковнику.

– Можем! Батюшка, приезжай в полицейский участок города Благое, а сейчас нам некогда, – и следователь направился в сторону машины, крикнув, – Фёдор Николаевич, Влад не отставайте.

Учёный немного успокоившись от того факта, что "беспалого" схватили, обернулся к бабушке.

– Лёня, это я – Федя.

– Ты? – на лице бабушки застыла гримаса удивления. – Не может быть, ты что болен? – священник не верил своим глазам, столь разительно изменился Федя после их последней встречи.

– Извини мне надо ехать, – Фёдор Николаевич как-то грустно посмотрел на друга и, отвернувшись, заспешил вместе с майором к машине.

Глава 31

Пуля пролетела на вылет, не задев даже кости, так что Смурых Саша после оказания ему медицинской помощи уже к вечеру сидел в кабинете подполковника Герасимова на допросе. Держался он гордо, если не сказать высокомерно. Фёдора Николаевича не допустили на допрос, опасаясь, что он будет мешать, потому он сидел в соседней комнате и мог лишь слушать. Помимо него были и другие сотрудники отдела. Подполковник начал допрос.

– Фамилия?

– Смурых Саша. Родился в селе Зарница, в семье пьяниц и уголовников, – он явно паясничал.

– Как тебе удалось столько месяцев прятаться, что мы чисто случайно тебя вычислили? – подполковник изо всех сил старался выразить на своём лице восхищение.

И ему это удалось. Смурых откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и стал хвастаться.

– Я всегда был умным. На зоне у меня "кликуха" была "увёртышь". Всегда сухим из воды выходил. Вот и вы признаёте, что я здорово всё придумал.

Подполковник подтверждающе кивнул головой. Смурых с воодушевлением продолжал.

– Это я Алексея убил, достал он меня. Меня в монастыре все жалели... Ну, что я маленький, слабенький и всё такое.

Думали, что я за себя сам не постою. Вот я им всем нос и утёр.

– А что ж друга Епифана подставил?

– Он частью моего плана был. Здорово я его тогда напугал, – Смурых довольно засмеялся. – Я ему в ту ночь говорю, полиция приехала, тебя ищут, на ноже твои отпечатки. Он дурак и поверил. Сбежал.

– Обосновался в землянке Алексея?

– Ага.

– А где Епифан сейчас?

– Надоел он мне. Хотел всё в полицию сдать, видишь ли, ему перед бабушкой стыдно. Слунтяй!

– Ты его и убил.

– А что мне оставалось делать? Чтобы вместе с собой и меня сдал.

– Где закопал, показать сможешь?

– Конечно.

– А девушек зачем убивать начал?

– Не поверишь, начальник, я ведь завязал. В монастыре пять лет жил нормально. Бабушка у нас хороший, всё нам книжки читал. По душам любил разговаривать... Потом к нам в монастырь один учёный приехал. Чокнутый какой-то. Он нам всё фильмы крутил. Там такое показывали. Обалдеть. У меня как будто что-то в голове щёлкнуло, и я стал думать, а слабо и мне так. Постоянно эта мысль в голове крутилась. Думал, как мне всё это осуществить, ну, то что

я в фильмах-то видел... и придумал. Попробовал. Понравилось. . А девчонки ... дуры, доверчивые. Они на мою красоту, как бабочки на огонь слетались. Сами на меня вешались, я по их глазам видел, что нравлюсь.

Рассказывал Смурых откровенно и подробно. Он был доволен и горд собой.

Допрос длился более трёх часов. Смурых признался во всех совершённых преступлениях. Экспертиза также подтвердила, что все девушки были убиты им. Через два дня в Москве, в институте мозга, Фёдор Николаевич благополучно извлёк чип у Смурых Саши и под конвоем преступника вновь доставили в город Благое для дальнейшего расследования. Фёдор Николаевич, ожидая своего ареста, тоже вернулся в Благое, но подполковник встретил учёного с удивлением.

– Профессор, вы что-то забыли?

Теперь пришла очередь удивляться учёному.

– Сергей Борисович, вы что же не будете меня арестовывать?

– Не буду Фёдор Николаевич. Вы уже наказаны, вам с этим ... всю жизнь жить, а что помогли следствию – спасибо. Езжайте спокойно домой.

– Спасибо тебе Сергей Борисович, – взгляд учёного, был блуждающим и горел каким-то безумным огнём, казалось, что здесь, возле подполковника присутствует лишь материальная его оболочка, а душа, помыслы учёного далеко – да-

леко.

– Куда вы теперь?

– В Москву, у меня есть ещё одно неотложное дело, – он как-то быстро ответил и, развернувшись, быстрым шагом пошёл к своей машине.

Нажимая на педаль скорости, Фёдор Николаевич мчался в Москву. Уже подъезжая, он набрал номер знакомого работника телецентра.

– Павел, мне нужно срочно сделать важное заявление. Помогите!

– Прямо сейчас.

– Да! Пожалуйста.

– Хорошо, когда будете?

– С учётом пробок, через час-полтора.

Уже через два часа, после звонка, Павел в окружении телекамер прикреплял микрофон к рубашке учёного.

– Фёдор Николаевич, я махну рукой, начинайте говорить, вы будете в прямом эфире.

– Товарищи, – начал учёный, – я профессор Смирнов Фёдор Николаевич заявляю, мы прекращаем поставку чипов для вживления в мозг, разработанных нашим институтом. В них обнаружались неполадки, вызывающие серьёзные изменения в мозгу подопечных им людей, опасные не только для их собственной жизни, но и жизни окружающих их людей. Эти неполадки пока не устранены.

Было шесть часов вечера, когда Фёдор Николаевич прие-

хал в институт и напрямик пошёл к директору. Тот ещё не ушёл, сидя за столом он что-то писал. Фёдор Николаевич, постучав, вошёл в кабинет.

– А, явился?! Ты уволен! – директор мельком взглянул на вошедшего.

– Судя по реакции, вы уже в курсе дела.

– А ты что же думаешь, – директор зло посмотрел на Фёдора Николаевича, – твоя выходка не имела резонанса? Да, я из-за тебя чуть директорского кресла не лишился. Порядочный, видите ли он. Слабак, ты! Так науку не делают! Понятно горе, но зачем же институт подставлять, мы то тут все причём?!

– Ну, что ж, увольняйте, но чипы такой модификации я больше делать не буду и не позволю вам. Я создам новый чип, который будучи вживлённым в мозг и, определяя преступную мысль, будет её блокировать, разрушать. Я не буду предупреждать преступления, я не дам им даже родиться.

– И ты знаешь, как это сделать?

– Теперь знаю!